

Русскія сказки.

Семнадцать сказокъ, записанныхъ въ То-
текомъ уѣздѣ Вологодской губерніи, въ
1905—1908 гг.

Большая часть помѣщаемыхъ здѣсь сказокъ были записаны отъ крестьянина дер. Кос-
тенской¹⁾, Спасской волости, М. Д. Третьякова, полуслѣпого семидесятилѣтняго старика;
только четыре послѣднія — отъ другихъ лицъ: «Рыси» — отъ крестьянки дер. Корчагинскѣй,
той-же волости, М. Машьяновой, 75 лѣтъ, и три послѣднія (15, 16 и 17) — отъ крестьянки
с. Лежнска А. Г. Литвиновой, 67-ми лѣтъ. Сказки, помѣченныя №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 14,
записаны мною непосредственно, а остальныя — при помощи учителей Д. Д. Третьякова и
В. В. Литвинова, изъ которыхъ первымъ — односельчанинъ М. Д. Третьякова, а второй —
внукъ А. Г. Литвиновой; тѣмъ и другимъ записи велись согласно моимъ указаніямъ — со-
строгими соблюденіемъ конструкции рѣчи и особенностей произношенія; запись послѣднейго,
сверхъ того, свѣрялась мною съ его же личной передачей по рукописи разсказа его бабушки.
Помощь указаннымъ лицамъ для меня была цѣнна въ томъ отношеніи, что предъ ними, какъ
своими людьми, сказочники не стѣснялись свободно вела свой разсказъ въ обычной домашней
обстановкѣ.

Мнѣ хотѣлось записать по возможности старинныя сказки, независимо отъ ихъ
окраски — былинной, легендарной или чисто-бытовой, — и потому выборъ мой остановился
на вышеозначенныхъ сказочникахъ, какъ людей старыхъ и, по мнѣнію другихъ окрестныхъ
крестьянъ, лучше, чѣмъ кто-либо, знающихъ старыя сказки. Въ какой мѣрѣ удовлетво-
ряетъ поставленному мною условію сдѣланный мною выборъ — пусть рѣшаетъ читатель. Въ
сказкахъ А. Г. Литвиновой замѣтно соединеніе многихъ сюжетовъ въ одинъ разсказъ,
и это любопытно сопоставить съ тѣмъ обстоятельствомъ, что и составъ населенія заводскаго
с. Лежнска является смѣшаннымъ изъ притекавшихъ сюда въ прежнее время съ разныхъ
сторонъ рабочихъ людей.

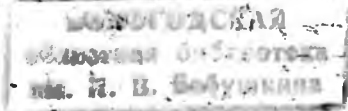
М. Едемскій.

1.

О благочестивой женѣ.

Были старичёкъ да старушка. У нихъ дитей было сынъ да дочь. Отецъ стари-
чёкъ наперво померъ, тутъ стала мать помирать. И наказываетъ сыну наказъ:

1) Оедневской то-жѣ.

Чадо мое возлюбленно, именнуй¹⁾ свою сестру, а мою дочь, на мѣсто меня, родные
 итери! Онъ и именнковау: поидеть торговать, — благословенья просить у сестры,
 а придетъ, — отчетъ подаетъ сестрѣ. А жѣтъ и обидѣлось: все заодно [мужъ съ]
 сестрой; жила да на первой разѣ и поколота соловья. Вотъ и говоритъ: «какъ
 сестра да сестра! А сестра-та у насъ соловья и поколота!» Онъ и говоритъ: «Що,
 сестра, поколота соловья?» — «Ну, що сдѣлашь! — поколота, дакъ и поколота». —
 «На себя и взяла [вижу]. Ну, опять на второй разѣ комоу торговать, опять благо-
 словенья просить: «Сестра, благослови, гитъ²⁾», «меня торговать ити!» — «А поди,
 гитъ, съ Богомъ братецъ, будь на ти Божья милость!». Приходитъ опять, отчетъ ей
 подаетъ. Жѣтъ и тово бѣднѣе³⁾. Поколота опять стошолово коня въ конюшнѣ и гово-
 ритъ: «вотъ, гитъ, сестра да сестра, а у насъ, гитъ, сестра та и поколота коня-то
 въ конюшнѣ-то». — «Ну що, гитъ, сестра, поколота коня-то въ конюшнѣ?» спраши-
 ваетъ братецъ. А она опять сняла на себя: «Ну що, гитъ, сдѣлаешь! поколота дакъ
 и поколота». — «Тѣ ему дѣромъ⁴⁾». Пошелъ и опять благословенья просить: «Сестрица,
 благослови торговать ити!» Она благословила: «Поди, гитъ, братеуко, съ Богомъ,
 будь на тебя Божья милость». Приходитъ опять отчетъ ей подаетъ. Жѣтъ и тово
 бѣднѣе. Взяла своего сына въ зыбочкѣ⁵⁾ поколота. «Вотъ ты, гитъ, дакъ сестра да
 сестра! Сестра-та у насъ — одно чадо было — и тово заколота, гитъ. — «Що, сестра,
 гитъ, поколота у меня сына?» Она и говоритъ: «Що сдѣлашь! поколота дакъ и по-
 колота!» И запрагъ онъ коней. «Садись, сестра, говоритъ, въ повозку!» Та сѣла; онъ
 привезъ іе въ лѣсъ, и приказавъ ей руки на пень положить. Она положила руки; онъ
 обѣ руки по кистямъ и отсѣкъ. Ей Господь терпѣнья дау, и говоритъ: «Заткну мои
 ручки за поясъ ко мнѣ, братецъ», говоритъ. Заткнуу ручки за поясъ и говоритъ:
 «Поди, сестра, куда глаза глядятъ, а ко мнѣ болѣе не ходи!» Она-мала да шла, и дошла
 до города. Пришла въ лавку. Купецъ ой и говоритъ: «Що ты, дивница, эка хороша да
 ходишь страневусь, — поди за меня замужесво!» — «А ой ты, гитъ, господишь ку-
 пецъ, да какъ я пойду: глѣди-ко, гитъ, ручки-те-за поясомъ!» — «Ахъ, паре⁶⁾!... ну за,
 говоритъ, мнѣ, говоритъ, не работа и робить, были бы глаза да толкъ въ гроловѣ!
 Взяу іе въ замужесво и пожну-двину⁷⁾ времени съ ей. И потѣху онъ въ разныя го-

1) Почитай, уважай.

2) Говорить.

3) Бѣднѣе, отъ парѣч. бѣдно, — досадно, обидно.

4) Т. е. не обезпечило, не разсердило.

5) Въ люлькѣ, въ колыбели.

6) Сокращ. слово парень; употр. часто въ обращеніяхъ и къ мужчинамъ, и къ женщинамъ, а также — безлично, въ восклицаніяхъ.

7) Довольно много, порядочно, довольно долго.

рода торговать. «Ну, жона, оставайсе съ Богомъ: воть съ маленькой да слугу тѣбѣ найму», говоритъ. Указау, давно время торгуесть. А жона родила безъ его двухъ парничковъ, и написала она письмо и посылаетъ слугу къ мужу. Слуга шѣу да шѣу, да начевать и пришоу въ этотъ домъ, изъ которова она дому. И спрашиваетъ эта хозяйка: «далеко-ли ты пошоу?» А онъ отвѣчаетъ: «А въ такихъ-то городахъ у меня хозяйнѣ торгуесть, дакъ отъ хозяйки съ письмомъ пошоу. А хозяйка у мня родила двухъ парничковъ. А у хозяйки то моей братецъ по какому-ту случаю руди по кистамъ отсѣкъ». Эта хозяйка и узнала, що — у іе золовка [то была]. Ушла за заборъ [въ другую комнату] и написала письмо, що у жоны родилосе два щенка. Взяла, пришла къ слугѣ: «покажи, глѣть, письма мнѣ!» Она и подала ему свое письмо. Тотъ и приходитъ къ мужу. Мужъ посмотрѣу и говоритъ: «За-какіе грѣхи, Господи, дау мнѣ двухъ щенковъ у жёны! и и жону-ту взау за убожесво!.. Ну хотя и щенки родились, до моего прибытья некуда не дѣвать!» И письмо такое ему написау. Онъ пошоу съ письмомъ, опетъ жо на ту фатеру начевать, на старую. Хозяйка и спрашиваетъ: «що тѣбѣ хозяйнѣ сказау?» — «А хозяйнѣ сказау: «хотя и щенки родились, — до моего прибытья некуда не трогать: самъ приду на нѣхъ посмотрити!» Она опетъ приходитъ, хозяйка: «Покажи-ко, глѣть, мнѣ письма-тѣ!» Она опетъ взяла сносила за заборку, перемишила письмо и написала: «Какъ мой слуга придетъ домой, такъ мой маленькъ мою жону сгонить съ дому сдолой, чтобы немедленно сгоняла.» Слуга приходитъ домой и подаётъ жонѣ это письмо. Жона прочитала и заплакала. Свекровушка и спрашиваетъ: «О чемъ ты, дитя, плачешъ?» — «А посмѣтри-ко, глѣть, маленька, що въ письмѣ написано!» Та посмотрѣла, — заплакала: «Ну, молодница, поди, горить, куды глаза глядеть, коуда ужъ эо приказанье!» Она парничковъ — въ подоу и приказала ручки заткнуть за поясъ. Подоу въ зубы — и пошла. Шла да шла, и до рѣки дошла. И надо за рѣку перебрести, а и не знаетъ какъ: бонтсе, — надо парничковъ не утопить. А на другой сторонѣ стоитъ нѣ человическомъ образѣ самъ Господи и говоритъ: «бреди, благочестивая жона, прямо на мѣня!» Она побрела да ровно въ застружку¹⁾ оступиласе; испугаласе, руками змахаласе: руки соткнулись съ кистями да и срослись. Перекстиласе, взяла парничка на ту руку, другою — на другую, и пошла. «Топерь съ руками не узнають: пойду къ брату начевать.» И пришла она къ брату начевать и проситсе: «Тѣтушка, пусти Христа ради начевать!» — «Начуй», говоритъ. Она поглядѣть: по-обычю — какъ бы золовка, да съ руками... Ну, да есь въ одно лицо, можетъ быть. Легла она спать на гоубчикъ²⁾, парничковъ пова-

1) Борозда, яма на днѣ рѣки.

2) Ласкат. отъ *юубецъ, юубецъ* — высокая досчатая примостка возлѣ печи, на уровнѣ (почти) потолка, для сна.

или къ отъѣзду, а сама на крапички. Братецъ и крикнулъ: «Шо, говоритъ, жона хто на гоубчикъ-то?» — «Ну, горить, нищенская пришла качать», говоритъ. — «Ну, гитъ, — добро дьло!» А ужъ темно. Подъ окошечкомъ и постукалось. Приходить [хозяинъ] къ окошку и говоритъ: «Шо тибѣ, горить, вужно?» А онъ и говоритъ на отвѣтъ: «Сказавушко, говоритъ, покори-мо меня ужной да отвези меня ахъ (станцію)». Онъ ему говоритъ на отвѣтъ: «милости проситъ, поди въ избу!» Приходить въ избу. Добыла огня. Эта жонка посмотриль съ гоубца — а дуть-то [это] вѣдотъ, она и обожала. Сили застоу ужнать. Братецъ ево и спрашиваетъ: «далеко ли ты идду», говоритъ. — «А идду, говоритъ, а въ разные города торговать, да вотъ, говоритъ, како несчастѣ случилось: у жоны родилось два щонка. У нии и жона та, горить, за убожество взу: до какому-ту случаю братецъ у іѣ руки по кистямъ отъѣкъ, — будте по спохинимъ насмуткамъ¹⁾!» Братецъ осмотриуе: Ну, ладно! Зетъ въ суткаѣ сидитъ! И жона у ево осмотрилае: шо зетъ въ суткаѣ²⁾ сидитъ. А эта жонка сошла съ гоубца, начленица, и стала передъ стоу; и говоритъ: «слушайте, говоритъ, а вѣтъ исторію скажу, только моихъ словъ не перечитъ³⁾». Удостоверили то, шо, хто поперечитъ, дакъ тому сто стѣжей⁴⁾ дать. И зачала розсказывать: «У меня, говоритъ, быу татенька да была маменька, горить; татенька, горить, напередъ померъ, а маменька стала помирать — братцу наказъ наказала: «Иманнуй, говоритъ, свою сестру, и мою дочь на мѣсто меня, родимые матери!» Онъ и иманноватъ: поидеть торговать — благословленія проситъ, и приходитъ — отчѣтъ подасть, горить, мѣ-ка. Потомъ жонѣ и обидялось у ево, горить; и поколола, горить, она на первой разъ соловья, на другой — коня, а на третьей и сына, говоритъ, поколола, и все на меня сказала.» А жона-та братова говоритъ: «Это не правда, не правда!» — «Ну, говоритъ⁵⁾, попере-чимъ, дакъ тибѣ сто стѣжей.» — «У миа братецъ, горить, запригъ коней, посадиу меня въ повозку, привезъ меня въ мѣсто, приказау мой ручки на пень положить. Отъѣкъ мой ручки, заткнуу, горить, за повесъ и отреду: «поди, горить, куды глаза глядеть.» И, горить, в пошла. И, горить, првшла вотъ въ такой то городъ, вышла, горить, за эдакого купца замужъ; родила, говоритъ, и двухъ парнечковъ, какъ, говоритъ, два цѣта: малю, горить, мать земля эдакитъ родитъ; а ему пришло письмо, шо двухъ щонковъ родила; а отъ ево, горить, пришло письмо, шо маменькѣ моей, — какъ придетъ домой елутъ, такъ согонять мою жону съ дому эдолой. Мы, говоритъ, съ маменькой поплакали, поплакали. да я парнечковъ — въ подоу, и пошла, говоритъ, подоу въ зубы.

1) Наговорамъ, наущничанью, подстрекательствамъ.

2) Въ почетномъ, переднемъ углу подъ иконами.

3) Не останавливать, не мѣшать говорить.

4) Ударовъ (розгамъ).

5) Безлично; вж. говоритъ, было сказано.

Шла да шла, до реки дошла, говорить. За рѣку брести боюсь, а, Господь знает, какой на другой сторонѣ человекъ стоитъ, говорить. И говорить: «бреди, говорить, благочестива жена, прямо на меня». Я побрела, руками ахалазась, руки соткнулись съ кистями и срослись, говорить. Перекстилась, говорить, дакъ парничка — на ту ручку, другою — на другую, и пошла, говорить, къ брату начевать: съ руками; дакъ тѣперь, говорить, у брата не бнознають. . . . Купецъ за столомъ перекстиуе: «Слава Богу!» говорить. А братецъ коней запрагъ. Купецъ взяу одново парйёка къ сѣбѣ въ колени, а другою къ ои въ колени; а братецъ посадиу вѣхъ въ повозку да и домой ихъ и свезъ. Послѣ той поры жить стали хорошю.

2.

Объ Иванѣ дурачкѣ.

1.

У старика да у старухи было три сына. Два сына умныхъ, третей — отъ дурачкѣ Иванѣ. И задумали большово сына жопить и посылають Ивана — дуриина: «Привези лошѣкъ да чашекъ, да-стоу, да горшковъ, да соли. Онъ уѣхау на ярмарку, изкупиу всёво. Идѣтъ¹⁾ домой. А лошадь клячуха: худо везѣтъ. Добѣлау до навины²⁾; пеня много (на навиятъ), и говорить: «що, робятка, озебли!» Взяу да вѣхъ всѣ горшечки миложиу на пеньки шапочками. А лошадь худо, везетъ худо. «Гм! лошадь о четырёхъ, ногахъ да н- столъ — отъ о чотырехъ». — Столъ — отъ лишь выставиу: «пускай и самъ придетъ!» Добѣлаи до рѣчки. Стау коня поить. Лошадь не пьеть. «Що разъ недосоль [т. е. недосолено]?» Взяу лишь мѣшокъ соли высыпаву. Коня все не пьеть; онъ взяу плаху [похѣно] да лишю³⁾ хлещъ по головъ. Коня застѣгнуу: «я разъ за даромъ, говорить, мѣшокъ-отъ соли высыпаву!» Взяу мѣшокъ съ лошакми на плезо и поѣжау. Ложки въ мѣшкѣ: брать, брякъ! А ему каждтсе: «дуракъ, дуракъ!» Онъ взяу лошки, бросиу да всѣ лишю притоптау чясто; говорить: «вотъ вамъ дуракъ! вотъ ваяъ дуракъ!» Пришоу домой — нечело не привезъ. Братья спрашивають: «що ты, чѣво привезъ-то?» «А нечѣво не привезъ: стоу о чотырѣхъ ногахъ — самъ придетъ; а горшочки изналожиу шапочками: тамъ робятка озебли; а соль высыпаву въ рѣчку: не пьеть, воучье мясо; безъ соли, дакъ я высыпаву въ рѣчку; а сѣи еще не гожи! дакъ я взяу плаху да по головъ — и ростянулась, воучье мясо! А лошкии взяу да поѣбѣхъ, а онъ говорятъ: «дуракъ, дуракъ!» А я розсердился да бросиу ихъ и ростонцау: вотъ вѣхъ дуракъ!» Братья говорятъ: «дуракъ ты и еси, дуракъ!

1) Идетъ.

2) Навина — мѣсто, явлюе расчищенное изъ-подъ дѣсу для пашни.

3) Лишь.

Живя¹⁾; дуракъ, отта²⁾ живо-то, не упилаъ ёво: мы сами съездили на базаръ. Онъ и остаётся. Живо живеть, а онъ не ведать. «Живо, не живя, не плыви, дурина не дражи!» А живо все живеть, да живеть. Сидитъ томоръ да живо взуу, все обручъ икрубуу; живо на ноу все убажало. А ноу класной: ёму некуда уди. Братья приняли и у дierer толкуются: дierer заперты. «Дуринъ, отопр!» А дуринъ стъ въ корыто: куко сейчасъ даребусъ, уже допылу!» Отверъ дierer³⁾. А живо по всей избѣ! Ёму и говорятъ: «О ты, дуракъ эво сдѣлау-то?» — «Да я сколько упилау⁴⁾ ёво: «не плыви да не плыви». . . . Живо все плывётъ, дакъ я розсердился и прозѣкъ обручъ!» — «Шо ста- некъ, говорить, съ дуриниомъ дѣлать? зашьмъ ёво въ кулъ да свеземте въ рѣку». Везли привезли ёво на берегъ, оставили ево на угорѣ, убажали поглубже мѣста всѣхъ да проглуби выскыпъ. А онъ и ревать въ кулъ. И идеть баринъ на тройкѣ лошадей. Баринъ и спрашиваетъ: «Хто тутъ ревать?» — «А вотъ, говорить, велеть судить да рѣ- дить, а я судить-редить не умію, дакъ меня и зашили въ кулъ!» Баринъ и говорить: «Выходи изъ кула и зашей меня, — я умію судить и рѣдить». Дурина выпустиу изъ кула, а самъ стъ. Дуринъ его взуу да и зашну въ кулъ-то. А самъ стъ въ повозку на тройкѣ лошадей и уѣзавъ. А стъ пришли да и потащили кулъ. Онъ и закричау: «Не троньте, говорить, не троньте: я умію судить и рѣдить!» Онъ говорятъ: «да вотъ мы насудили тебѣ!» Онъ взяли уволоки да упустили въ воду-ту. А онъ: «Бурръ, бурръ!» Онъ говорить: «Знать бурка хватаетъ, — ну, хватай!» Сами и домой пошли стъ братья. Только поманили⁵⁾ налейко, — дуринъ вдругъ и прѣизау на тройкѣ. Онъ и говорятъ ему: «Шо ты, дуринъ, откуда ты взуеся? гдѣ ты оныхъ коней-то взуу?» «А я, говорить, тамъ назватау! Тамъ, говорить, ошо такой сивко славной остаётся, дакъ и тотъ отъ меня не уидеть!» Дакъ онъ и говорить: «Онъ, дуринъ, дакъ зашей насъ въ кулъ, хотъ мы бы сивка-то поманили ошо хотъ». Онъ зашну ихъ. Приволокъ, да въ рѣку живо торнуу. Онъ тамъ: «брр... бурр...» А онъ и говорить: «Хватайте, тамъ много названте!» А самъ пошоу домоу жива допавать да братьей поминать.

3.

II.

У старика да у старухи было три сына. Двое умныя, а третьей дуринъ Иванъ. Отецъ раздалъ всѣхъ дитей пооснобѣ⁶⁾: одному надавау коровъ, другому лошадей, а

1) Живить — подвергать броженію, слѣдить за броженіемъ, чтобы, подивившись, не выкидывался чересъ края, не упикивало.

2) Зата.

3) Уотр только во множествѣ числѣ, подобно — ворота.

4) Упикивалъ.

5) Подманивалъ.

6) Пооснобѣ, каждому отдѣльно (плеоназмъ).

Ивану-дуринку дау одново худово быка. Говорить: «тибѣ будетъ¹⁾» в быка. Умные по-
шли на базаръ торговать, а этотъ говорить: «я пойду на базаръ быка продавать;
и повеу [быка]. А вестя [пришлось] дѣсомъ. Береза и скрипитъ сухая на дорогѣ.
«Що ты, береза, скрипишь? Не быка ли у меня покупаешь? говорить. Ну когда по-
купаешь, такъ покупай, у меня быкъ стоить двадцать рублей. . . Ну шо въ денягы
упрашиваешься? коли упрашиваешься, дакъ до утра поманю». Пришоу назавтра: «Ну
шо, говорить, ещо упрашиваешься до утра! Ну я шутить не люблю, — наразѣ распоря-
жусь!» Приходить домой. Братья спрашиваютъ: «Ну шо получиу, дуракъ, деняги!» —
«Нѣтъ ещо; до утра посуляли». — «Дакъ шо ты, дуракъ, кому ты продау-то?» говорить. А
онъ отвѣчаетъ: «А сухой березѣ», говорить. «Ой ты, дуракъ!» — видно, у тебя вѣтки
сыяли!» На третьей день взяу дуракъ топоръ и пошоу. Пришоу, — береза опять скри-
питъ. «Ты опять упрашиваешься!» И зачау топоромъ рубить, лишю²⁾ только щепы по-
липли. А береза душенаста. Тутъ розбойники деняги прятати. Просѣкъ дыру, а
тутъ деняги-те и посыпались въ дыру-ту. Онъ полу золота паклау и домой побѣжау.
Пришоу домой; братья спрашиваютъ: «Гдѣ ты, дуракъ, вестолько золота-то взяу?» А
онъ говорить: «береза за быка отдала, да тамъ ощо, говорить, осталося», говорить.
Дакъ онъ и говорить: «пойдемъ-ко, гдѣ?» Пришли, да «склади въ борзину и обабками
заклади. Пошли домой. «Мотри, говорить, ты, дуракъ, не скалывай никому!» Не
бойсь, не скажу», говорить. Идутъ, и стрятили дѣчка. Дѣчекъ и спрашиваютъ: «куды
ты ходили?». Умные братья и говорить: «А по грибѣ ходили». А онъ говорить: «Нѣтъ,
врутъ, врутъ, — эво золото несемъ». Дѣчекъ стау хватать; а онъ — хлещь дѣчка обу-
хомъ въ лобъ, и застегнуу. «Що ты, говорить, дуракъ, эо накурю-то [набѣдоку-
рилъ], куды мы, говорить, топерь дѣважес-то!» Взяли бросили дѣчка въ погребную
яму; домой пришли. И говорить: «Ну, братъ, намъ иужно перепрятать: стануть
дѣчка розыскивать, — дуракъ все розскажетъ». Взяли дѣчка обрали, на то мѣсто
козла бросили.

Назавтра идутъ, дѣчка ищутъ. «Дурингъ, не видау ли, говорить, дѣчка?» —
«Видау, — я убвѣ свю!» — «А куды ты свю дѣвау?» — «А въ погребную яму бросиу». —
«Пойдемъ-ко, гдѣ онъ!» Пришли; запоуу въ яму. «Какой у васъ дѣчекъ быу? чер-
ной?» Тѣ говорить: «черной!» — «А тлаза те, говорить, круглы?» — Тѣ говорить:
«круглы!» — «Хвось назадъ?» — «Хвось». — «Рога есь?» — «Какіе тутъ, дуракъ,
рога!» Онъ взяу лищѣ выкинуу (козла) на перхъ. «Вотъ, говорить, у дурака и дѣ-
чекъ!» Плюнули и пошли домой.

1) Достаточно.

2) Лиш.

Хресьянскай смят.

Отец ёво отдаліў: — нечёво не даў, вѣ одну баньку пустиў. Онѣ [сынѣ] и мамѣ оу просидѣлѣ въ великому князю — шо отецъ отдаліў, и нечёво не даў.

У ёво, у князя, дочь и розсудила: «Жѣнись, дакъ отъ жѣны стесѣе получишь». Отецъ [князь] и говорить [ей]: «Когда ты розсудила прѣжѣ [прѣжде] отца, то и отупай за ёво замужь!» Она вышла за ёво замужь! А у [е] [у нея] золота было на три шириночки. . . . Вышла она шириночку и посылаетъ своёво мужа: «Снеси, Иванушко, продавай шириночку!» А онѣ спросиў: «шо за [е] взеть?» А она и отвѣтила ёму: «пѣтѣдесать рублей». Ну, вотъ онѣ и пошеу: Идетъ, — и вышеу изъ стороны старичѣкѣ. — «Далеко ли ты, молодець, пошеу?» говорить. А онѣ и сказаў, шо пошеу шириночку продавать. — «А шо твоя шириночка стоитъ?» — «А моя шириночка стоитъ, говорить, пѣтѣдесать рублей». — «А отдай, говорить, мнѣ за слово!» — «А за какое?» говорить. — «А *при смерти будь снѣу и удай*». Онѣ и отдаў. Приходитъ домой. — «Ну, жѣна, я отдаў шириночку за слово!» — «Ну, дакъ на [т. е. возьми] жѣ, — я вотъ другую выжила: понеси продавай! тожѣ — пѣтѣдесать рублей». Онѣ пошеу. Опетъ жо [опетъ же] старичѣкѣ вышеу и спросиў: «далеко ли пошеу, молодець?» — «А шириночку продавать». — «А шо твоя шириночка стоитъ?» — «А моя шириночка стоитъ, говорить, пѣтѣдесать рублей». — «А отдай, говорить, за слово». — «А за какое?» говорить. А говорить: «*говори, а не проговаривайсе!*» Онѣ и отдаў шириночку; и опетъ приходитъ домой. «Ну, жѣна, я отдаў опетъ за слово!» Жѣна, нечѣво другою¹⁾: «Ну-жѣ, говорить, у меня опетъ шириночка готова, — снеси жѣ опетъ эту». Онѣ и пошеу. Опетъ жѣ изъ стороны старичѣкѣ вышеу. «Далеко ли, молодець, пошеу?» спросиў опетъ ёво. — «А — шириночка²⁾ продавать». — «А шо за [е] просишь?» — «А 50 рублей». — «Отдай, говорить, мнѣ за слово!» А тотъ спросиў: «за какое?» — «А, говорить, *задыми, а не опускай!*» Приходитъ домой и говорить жѣтѣ: «Жѣна, я опетъ за слово отдаў. . . . Ну, топерѣ мнѣ нечѣмъ жить! — Оставайсе, жѣна, а я пойду на вольнымъ судать въ морѣ». И пошеу на смольнымъ караблѣ: моѣ караблѣ смольнымъ, шѣсь и съ краснымъ товаромъ. Шли да шли. . . . Посреди моря всѣ караблѣ остановилисе. Ему и пало это слово на умѣ, шо «*при смерти будь снѣу и удай*». Нахѣу на себя «челоу» и опустиyse въ морѣ. Опустивое, — а чѣтѣ съ чѣтливой спорать: одинѣ говорить, шо на Руси золотое дороже,

1) Обычнѣе эллиптическое фигурное выраженіе, передающее смыслъ: «ничего другого, не говоря (и не дѣлая)», дакъ только говорить (или дѣлать).

2) Родительный падежъ вмѣсто винительнаго.

а другой говорить, що серебро дороже. «А вотъ, говорить [одинъ изъ нихъ]: руской-отъ и придетъ; вотъ мы ѣво и спросимъ». А у нѣхъ быу завѣтъ такой положити: «Которой не отдастъ, дакъ тому голову ссичи [сѣчь, срубить]. И спрашиваютъ ѣво, «Которой на Руси дороже — серебро али золото?» А онъ и думаетъ самъ свой: «какъ жѣ мнѣ, що то сказать?» И пало ему это слово на умъ, шо старичѣкъ сказаетъ: «говори, а не проговаривайсе!» Онъ и говоритъ: «а вотъ, говорить, въ пещахъ серебро дороже, въ другихъ золото дороже: оно все на одно и приходитъ». По обоимъ ладѣ и рассудитъ. Потомъ несесть чертиха самопѣтной камень въ подарокъ; а чертъ несесть банку такую, шо ей и цѣны не дать, — тожѣ ѣво подаритъ. Онъ и подивуеа опетъ на караблѣ, и карабля пошлѣ.

Подошли [т. е. перешли нѣкоторое разстояние]. . . Купецъ этотъ, краснорядецъ, и подсмѣивантсе надъ нимъ [надъ ними]: «Экъ плаваите на смолянскихъ карабляхъ! тоже время-то манитѣ [т. е. расходуете, затрачиваете]. А Иванушко ему на отвѣтъ и говоритъ: «мы и на смолянскихъ, да у насъ больше найдѣтсе, чѣмъ у васъ на карабляхъ». Купецъ ему отвичесть на отвѣтъ: «если у васъ найдѣтсе больше, то а всѣ караблѣ твоѣ отдамъ, а самъ въ берегъ выйду».

Это все начальсвомъ п. заручили, эту залогу. И стали товарамъ цѣну сказывать, — которо чѣво стѣитъ. Все члсто¹⁾ перебрали и потомъ всю цѣну, много ли за товаръ приходитъ суммы, — все соччили [сочли, сосчитали]; и знаютъ — сколько суммы за краснымъ товаромъ. И потомъ пошли на смоляные караблѣ и тутѣка опетъ, чѣво на сколько, — стали считать. Купецъ этотъ и схохотау, — шо мало на карабляхъ. По²⁾ Иванушко и говоритъ на отвѣтъ: «Ужо не торопитсе смѣйтсе надъ нами!» И выложитъ ему самопѣтной камень. — «Чѣво стѣитъ?» Купецъ задумаетсе: не знаетъ, шо сказать. Онъ выложитъ опетъ и банку! Банкѣ и-цѣны нѣтъ! Онъ и сошеу съ караблѣей, а Иванушко зошѣу на этѣ шесѣ караблѣей и на карабляхъ домой пошеу. И приходитъ онъ подъ свой градъ ночью. Быу дождячѣкъ. Онъ и приходитъ къ своей избушкѣ ночью и постукаетсе у воротъ. — «Хто, крещеной³⁾, въ избушкѣ? Пусти погрѣтсе!» Вышла у ѣво матка [обычн. вм. мать], и отпираетъ ворота. — «Гдѣ, дитатко, быу?» — «А я, говорить, ходитъ на вольныхъ карабляхъ». — «Подѣ, дитатко, погрѣйсе!» У меня Иванушко тоже ушеу на вольныхъ карабляхъ, да а не могу и вѣсти [вѣсти, извѣстѣ] никакой дождатсе отъ ѣво». . . Онъ и легъ на печку грѣтсе. А старушка легла на цѣсточикъ. И легли. . . Уснули всѣ крещены. А этотъ Ил-

1) Т. е. безъ остатка, не исключая ничего.

2) Изъ значеніи *иу*; какі. противит. союзы, но не употребляется.

3) Не принято спрашивать просто: — кто? Всегда добавляють «крещеной» для того, чтобы не откликнулся кто-нибудь и некрещеный, т. е. домовый, нечистый духъ и проч. Точно также, когда говорятъ «всѣ», то добавляють «крещены», чтобы не приплести къ лицамъ какого-нибудь нечистаго духа.

мужик (в)стаѣ, огонька добы и осмотри — какъ жена живетъ, унять надо. По-
смотри — а жена на кровати у двухъ молодцовъ въ середкахъ! Онъ выхватилъ саблю
и хотѣ зарубить всѣхъ троихъ. . . И надо ему было это, но старичекъ ему гово-
ри: «защипи, я же опускаю». Вамъ огонекъ угасилъ и опять же легъ на пеньку. И
стаѣ будить свою мать: «Бабушка, давай да ты живешь!» — «А живу я», гово-
рить: «у меня былъ сынъ Иванушко, а его жена у меня, а потому умелъ онъ въ
морѣ. . . Много время ходить, дожидаться не могу. . . а у его родилось два сына-двой-
ника, и потому, говоритъ, онъ выросли большае. Вотъ мать-та у нихъ въ середкахъ
и спитъ». Онъ Бога прославилъ: «Слава Богу, хоть еще зарубилъ». И пошелъ онъ
на карабль опять. «Прощай» говоритъ, бабушка! И ушелъ на карабль. . . И стало
свѣтать. И выслушъ дорогу былъ красивымъ сукиномъ къ своей хаткѣ¹⁾. . . Онъ [ра-
зумнѣе — семейство] пошелъ. . . а по сукину пути не смѣютъ. Онъ и говорить:
«Идите — для васъ дорога выслана». Онъ пришел на карабль и сила чаю пить²⁾.
Потомъ, когда силъ пить, онъ и говорить: «кушайте, мамешка, — а вашъ сынъ Ива-
нушко, — и жена моя съ маленькими детьми!» Чаю напился. И положилъ одному
сыну на торежку самоцѣтной камень, а другому положилъ на торежку бавочку. «По-
дите, дѣдушко сънесите подарокъ, а просите у его магазинъ — товары выгрузить».
Онъ и приходитъ и толкаются. А парь [мелк. кл.] прогнѣваѣе раньше на дочери
и на внуковъ и никово не пускаю [къ себѣ въ домъ]. Онъ все толкается у воротъ.
«Дѣдушко, отвори ворота намъ!» — «Печено, говоритъ, дѣлать у меня!» — «Дѣ-
душко, вамъ татенька подарокъ хорошей прислау». И потому дѣлану на подарки
и обраду подаркамъ, и стаѣ пускать въ гости, и магазиновъ, надаваѣ — товары вы-
грузить. И стали съ тѣхъ морѣ гостить другъ къ другу въ гости. И жить стали.

5..

Мужикъ новѣу корову продавать въ городъ. Ведетъ, — и увидаѣ: десеть чѣло-
вѣкъ мазуровъ³⁾ стоятъ. Этѣ мазуры и уговорилисе: «Розойдемте на петь парь
да и становите торговать гуса у мужика». Розойшлисе. . . Мужикъ заходитъ въ го-
родъ, — первая пара и спрашиваетъ: «мужикъ, продай гуса!» А мужикъ имъ отви-
чаетъ: «Що вы, дураки, да вѣдь у меня корова!» Онъ плонуу да и пошелъ опять
дальше. Доходитъ, — а тамъ другая пара мазуровъ стоятъ, и говорить: «мужикъ,

1) Дальше замѣтитъ нѣкоторый пропускъ: видимо, память измѣнила рассказчику.

2) Церемонія чаепитія для бѣднаго старика-рассказчика, въ качествѣ особенно торже-
ственной, очевидно, замѣнила какую-то подобную въ прежде передаваемомъ ходѣ рассказа.

3) Мазурковъ.

продай гуся!» Онъ поглядѣу на корову да и говорить: «Що вы, робята, вѣдь у меня корова, — не гусь!» А онъ ему отвячешть: «Нѣтъ, у тебя гусь!» Онъ опять поведъ дальше. Опять третья пара спрашиваетъ: «мужикъ, продай гуся!» Онъ поглядѣу на корову... «Да шо, робята, вѣдь у меня корова?» До четвертой пары доходить. Опять четвертая пара говорить: «мужикъ, продай гуся!» Онъ поглядѣу, поглядѣу на корову... «Що жѣ, ужъ нѣтъ не врать¹⁾ ли? Неужели у меня гусь?! ... Давай, уже поведъ дальше... Шо будетъ?» Ведетъ. И пятая пара спрашиваетъ: «мужикъ, продай гуся!» Онъ нѣтъ отвячешть: «робята, у меня вѣдь корова!» А онъ ему говорить: «нѣтъ, у тебя гусь!» — Видно нѣтъ врать, шо корова, видно — гусь итакъ²⁾... Ну, шо вы нѣтъ дадите за гуся? — «А коутора рубля дадимъ», говорятъ. Онъ прохаживаетъ пошюу домой. Идетъ... А тѣ же мазуры и спрашиваютъ: «шо, мужикъ, продай корову?» Онъ говорить: «да вѣдь у меня бы-то гусь!» — «Какъ гусь?! вѣдь тебя мазуры обманули».

Онъ и приходитъ домой. И сколько чѣво не³⁾ было, — все продау гладко, и домишко — все продау. И наконецъ денегъ триста рублей. И нашеу онъ шляпу худую, котора сто годовъ валялась. И положилъ онъ эту шляпу на себя и пошеу въ кабаки, въ которые мазуры ходять. И подау онъ тремъ свидѣльцамъ⁴⁾ по сту рублей и говорить: «я колько водки не запрошу, вы пазейте; а какъ колону въ шляпу и скажу: «квито», — л выговорите мнѣ: «квито». Онъ меня обманули, дакъ и нѣтъ надо ихъ обмануть». Онъ въ кабацкѣхъ пришоу, поведра и выпросиу. И выпилъ эту поведра: и мазурамъ подаесть, и мазуры пьютъ. Потомъ... выпили... мужикъ — хлесь въ шляпу, и говорить: «хозяинъ, квито?» Свидѣлецъ: «квито!» И въ другой кабацкѣхъ пришеу — опять такъ жѣ. Мазуры сво и спрашиваютъ: «когда ты деньги платишь?» — «А у меня шляпа платитъ деньги: я вотъ колону въ шляпу да скажу, шо квито, дакъ я-бось ужъ будетъ квито». Этѣ мазуры и говорятъ: «робята, надо еще попримытть — когда онъ деньги платитъ». И пришли въ третей кабацкѣхъ. Мужикъ пришоу и говорить: «свидѣлецъ, налей-ко поведра водки, а нѣтъ дакъ и цѣлое ведро!»... Тотъ и налилъ ведро водки. Пили, пили... Такъ напились, — до пьяна! Онъ хлесь въ шляпу и говорить: «хозяинъ, квито?!» Свидѣлецъ и отвячешть: «квито!» Онъ и спрашиваютъ: «когда это ты, мужикъ, деньги платишь?» — «Що вы, братия, вѣдь у меня шляпа платитъ». Онъ и говорить: «мужикъ, эту шляпу продай намъ!» — «Нѣтъ, братия, не продамъ!» — «Нѣтъ, шо хошь бери, а продай!» — «Нѣтъ, не продамъ! Она меня поить и кормить!» — «А нѣтъ, мужикъ, продай намъ шляпу!» А онъ и говорить: «и

1) Представляется, кажется.

2) Въ самомъ дѣлѣ.

3) Отриц. им не употребляется въ жѣсти. говоритъ.

4) Кабатчикамъ, продавцамъ водки.

на шість тисящ не отдасть!» — «Ну, мужикъ, даюць шість тисящ, а отдай ками!» Охъ жалують шість тисящ и шалую поду шитъ. А шалая постылка, серебра не стоить! Этотъ мужикъ вѣсело давай и ласкаеуся: «окидаюу на такіе и я казурую!» Эта казура притыла въ карбасѣ и говоритъ: «скажася, кажея ками поуведра водки». Охъ жалують ками поуведра водки, шитъ вышылъ: да — хлосъ въ шалую: «хозяинъ, ками?» А скажася ками и говоритъ: «скажасято денежки, дакъ и будетъ ками!» Этѣ казуры и говорятъ: «Охъ, проклятой мужикъ, окидаюу васъ!»

Охъ на пятьдесятъ рублей окидаюу, а охъ на шість тысячъ рублей окидаюу дѣтѣ.

6.

На долоку ками постоялецъ [т. е. содержатель постоялаго двора]. Денегъ много кабура охъ шибко. Деньги ему не надо. «Хто скажѣтъ присказульку, таѣ тово пушу пошарать; а кто не скажеть — такъ тово не пушу». Приидѣ старичекъ. — «Хозяинъ-мужикъ, пусти начевать!» — «Токо чѣ скажешъ присказульку, дакъ пушу». — «Ну, давай почиво, — скажу що-небудь», говоритъ.

Разболосе. «Ну давай, казывай!» — «Ужо поужилъ!» Поужнали. — «Давай, казывай!» — «Поидѣмъ на полати: отдыхатъ, дакъ таѣ скажу». А старикъ — хитрой, знаетъ врать¹⁾, и говоритъ: «Мы буденъ оба шидалии съ тобою этта. Ты выйдѣ изъ берлогу, сходи во дворъ да лѣхъ коровъ прибеи. И доберутсе мужики, и приидутъ къ ками въ берлогу и будутъ касъ рогатинами колотъ; наперво станутъ колотъ немя, дакъ ты не зѣвай — выскакивай изъ берлогу». Мужики и пришли и стали наперво этого старика колотъ. А этотъ хозяинъ, какъ хотѣу выскочити изъ берлогу, — да какъ спочити да прямо съ полатей-то на поу, на голову; весь росшибсе. Старуха и бѣжитъ отъ нечкы — «шо ты, старикъ, Богъ съ тобою! на тебя нашло-ли, що-ли? — вѣдъ ты зашлосе!» — «Що ты, старуха, да вѣдъ а — шидиль!» — «Що ты эко мелешь-то?» — «Я, старуха, вѣдъ и коровъ-то прибеу на дворъ-то, сходи-ко посмотри». Та сходила, посмотрѣла: коровы всѣ цѣлы. Вотъ этотъ старикъ на полатѣхъ и говоритъ: «Некогда не спрашивай присказульки: другой лучше и поше скажеть!»

7.

Онеля.

У старика да у старухи было три сына. Этѣ два сына потѣзали торговать на базарѣ, а Онеля оставаленъ дома. — «Слушай бабъ этта [дѣть], дакъ привеземъ тебѣ красной кафтанъ, красные сапоги и красную шапку.

1) Если.

2) Морочить, околдовать.

Омеля лежить на печѣ. Бабы и говорятъ: «Омеля, поди по воду.» Онъ и говорить: «А мнѣ и здѣсь тепло.» — «Смотри, вѣдь не купить краснова кафтана, красныхъ сапоговъ и красной шапки, какъ не станешь слушать.» Омеля схватилъ ведра и побѣжалъ по воду. Пришѣу, ведра зачерпнуу, — въ ведро зачерпнуу шуку. — «Ой, Омеля, опусти шеля въ рѣку, а много добра тибѣ сдѣлаю.» — «А что ты мнѣ сдѣлаешь?» — «А когда що надо, дакъ меня попроси: то, тибѣ и будетъ.» Онъ и отпустиу, и говорить: «ну, по моему прошенію, по щучьему велѣнію, идите ведра сами домой.» Ведра сами и идутъ. Народъ видать. . . ! «Глядите-ко, робота, що Омеля такое курить»¹⁾. Вѣдра пришли и на лавку сами поставились.

Потомъ этѣ жѣнки и посылають: «поди, Омеля, дровъ наскы дай принеси на встопель.» Омеля лежить на печѣ, да и говорить: «а мнѣ и здѣсь тепло.» — «Смотри, Омеля, вѣдь не купить краснова кафтана, красныхъ сапоговъ и красной шапки.» — «По моему прошенію, по щучьему велѣнію, идя-ко, топоръ, нарубь дровъ, а дрова идите сами въ избу.» Топоръ нарубилъ, а дрова пѣ избу пришли.

Почку начевали, дрова — всѣ²⁾; надо въ гѣсь гѣзть. «Омеля, потѣжай по дрова.» — «А мнѣ и здѣсь тепло.» А самъ на печѣ лежить. «Смотри, не купить тибѣ краснова кафтана, красной шапки и красныхъ сапоговъ.» Вышеу на улицу, отопрочиуу сами, самъ сѣу въ сани и сказау: «по моему прошенію, по щучьему велѣнію идите³⁾ сами въ гѣсь по дрова.» Потѣжау. Гѣжау городомъ, — сколько народу приймау! Приѣжау въ гѣсь и говорить: «по моему прошенію, по щучьему велѣнію топоръ руби дрова! дрова кладите въ сани да вѣжите сами!» Возь дровъ нарубюу. «Дако⁴⁾ топоръ еще вырубь дубинку!» Самъ сѣу издрова, и идетъ⁵⁾ домой. Въ городѣ народу людно [много] направлено⁶⁾: надо Омеля поднять, надо сѣво ладомъ выбить, да полъ судъ отдати. Омеля и говорить: «по моему прошенію, по щучьему велѣнію выходи, дубинка, и обломай мнѣ руки и ноги.» Дубинка выскочила всѣмъ чисто *прижестала* до *единово*. Онъ приѣхалъ домой и легъ на печку. А королю жалобы поднесены на Омеля. Отъ короля посланной пришѣу полицеской: «Ступай, Омеля, тебя король требуетъ; зачѣмъ ты ажъ надѣлау: въ городѣ народъ приймау!» Омеля и говоритъ: «поди-ко, дубинка, обломай ему руки и ноги [посланному], зачѣмъ онъ требуетъ.» Дубинка всего ёго изломала. . . И приходитъ староста. Тотъ обманомъ, иташшу ему карамели да закусокъ всякихъ, да изюму, и говорить: «поди-кы, Омеля, къ королѣ-ту, тотъ тебя еще не такъ угостить.» Омеля и говорить: «по моему прошенію, по

1) Выкидываетъ шуки.

2) Разум. — вышил, израсходованіи.

3) Повелит. 2 л. мн. ч. отъ *идати*.

4) Дай-ка, дай-ко.

5) Идетъ.

6) Приготовленъ.

мучьему велѣню ночь на-но!) со мной къ королю. Тутъ въ *фамеръ* воронцы захремѣли, простѣлохъ вылетѣхъ, и ночь пошла съ Онегой къ королю. Идти къ королю. Король въ окно медитъ. «Это шо такое за чудо?!» — «А это Онега идетъ къ тебѣ да ночь». Приѣху. «Шо ты, Онега, надѣлау экой? въ городѣ народу много заглау?!» — «Ваше высококоролевство, я не хочу тебѣ повиноваться!» Заверотнуса назадъ и поѣху, а дочь въ окно гледишь у короля. «По моему прошенію, по шучьему велѣнью, китцѣс королевны за мной.» Королевна за нѣхъ покатилаея.

Король большо забѣдовать?) стау на ёво. Король добраусе, взялъ обоихъ въ бочку закурорю, дочеръ и Онегу, и обручытъ заковау золѣныиъ. Опустнѣхъ на море. ... Королевна заплакала: «шо ны, Онега, надѣлали! куды ны поспили!» Онега и говоритъ: «по моему прошенію, по шучьему велѣнью, дуйте, вѣтры буйны, да выка- тите бочку на сухой берегъ по близости къ королевскому дому!» Бочка вылетѣла на берегъ и разлетѣлаея вся. «По моему прошенію, по шучьему велѣнью становисъ *энтѣс*?) хрустальной домъ!» Поставнѣе домъ хрустальной. «Ладсе-кѣ мось чужиниѣхъ вылохъ до королевского дому и перила серебряныиъ. Мось выслаусе и перила установилисѣ. Послау посланника. — «Требуйте короля въ гости.» Король приѣху въ гости и сидитъ за столомъ. Онега и спрашиваетъ: «у кого ты сидишь въ гостяхъ? — Сидишь ты въ гостяхъ у Онеги-заты, а дочь твоя *потичиваетъ*». Вотъ и стали съ той поры гоститьсѣ другъ ко дружкѣ.

8.

У старухи быу дружокъ. Старуха старая, а дружка держала: Старикъ стау признавать, шо она съ болѣвонникомъ живеть: «Сходнѣ въ лѣсъ, нашеу пень дупле-настой, я приѣхъ домой и говоритъ: «старуха, а такой тамъ пень нашѣу, шо только колони въ ёво, дакъ всё скажѣтъ.» — «Ой, старикъ, скажи, гдѣ такой: я схожу.» Онѣ сказу ей. Она и пошла искать этого пня. А самъ [т. о. старикъ] лѣсомъ, да лѣсомъ, — обѣху кручѣе?) да лишю стау въ пень-отѣ. Старуха пришла. ... Колонула въ пень. Онѣ и отвитнѣ: «Шо тебѣ надо?» — «Какъ бы мнѣ сдѣлать, шо вы онѣ [т. о. старикъ] оглохъ и ослѣхъ?» Онѣ ей и говоритъ: «коржи поволожнѣе?), дакъ онѣ оглохнѣтъ и ослѣхнѣтъ.» Она пошла домой. «А! тонерь знаю, шо нагъ старикомъ сдѣлать!» А старикъ лѣсомъ онѣтъ ѣхъ домой, да лишю?) легъ на-печь. Старуха при-

1) Повелитъ, отъ глагола вѣхать.

2) Досадовать, сердиться.

3) Зѣхъ.

4) Скорѣе.

5) Пожмиръ, насланиъ, повкуснѣе.

6) Лишь.

шла да и говорить: «старикъ, що жѣ у насъ всего много, а мы такъ скупились? станемъ-ко нсть¹⁾»-то получше, куды намъ беректи-то!» Привнесла дровецъ, затопила печку и напекла шанѣжж²⁾. Масла ладку поставила. «Вшь, старикъ, вшь! масла у насъ много!» А старикъ и говорить: «ну, спасибо, старуха!» Напекла опять маслицыхъ блиновъ, такъ намазала масломъ, що бѣжать съ нѣхъ, и телокжонъ усыпала [втъ]. Онъ тѣ да тѣ, да по сковородѣ-то и начау грамаздать³⁾ рукой-то, — будто не видать. Она и завойала ему: «старикъ! старикъ! А тотъ, будто не чуетъ⁴⁾, — прикнулся⁵⁾. «Що, старуха, надо-то?» «Що ты экъ грамаздишь по сковородѣ-то?» — «Ой, старуха, втъ а не чую и не вижу. . . Старуха! сведи-ко меня на гоубецъ. . . Старуха! принеси-ко мнѣ оружье-то, хоть порадоватъсь⁶⁾ оцѣ, не бывать видѣнъ⁷⁾ болыно лѣсовать-то.»»

Старуха принесла оружье. Старикъ обнимаетъ ево и говорить: «Охъ, голубчикъ, мнѣ не бывать, виднѣ, съ тобой лѣсовать болыне!»

Старуха погледить въ окошко, а ле⁸⁾ полюбовничѣтъ и идеть. «Ноди, поди въ избѣ-ту, поди скорее-то! — У меня топеръ старикъ не чуетъ и не видать.» Она созвала ево въ избѣ, намазала блиновъ да въ печь поставила, а сама пошла по маслу, а ему сухо нсть не велѣла. Только ушла по маслу, а старикъ изъ ружья хлещь полюбовнику въ сердце. Соскочить съ гоубца да поуной ротъ ему шанѣги набиву, а самъ — оцѣть на гоубецъ. Старуха пришла и заревѣла: «Охти мнѣ! говорила, що не вшь, не вшь сухо! говорила, що подавишься, — вотъ и подавишься.» Схватила ево за ноги и поволокла. Двери отворила и прямо во дворъ. Онъ съ гоубца и следить: куды старуха волочѣтъ. А старуха во дворъ, подь-если⁹⁾ и пречѣтъ, и если розворотила. Пришла въ избѣ и говорить: «охъ, старикъ! какъ мы жить-то будемъ! у насъ и если-те изломались.» — «Гдѣ, старуха, топоръ? а починю.» — «Ну, старикъ, дорожно¹⁰⁾ ужъ топеръ [и безъ этого].» — «Нѣтъ, починю, старуха!»

Поколотнѣ, поколотнѣ около еселя — мужика и волочетъ изъ-подъ еселя, и приходить въ избѣ. «Старуха, у насъ какой-то мужикъ жѣртвой подь еселемъ-то.» — «Ой, старикъ! куды мы лѣваемъ-то?! снести бы хоть въ воду.» Онъ схватилъ ево за плечо. Въ деревнѣ [была] свадьба. Онъ къ свадьбѣ-то за ворота и поставилъ. Хозяинъ идеть

1) Ысть.

2) Умепш. отъ *шанѣжж* — лепешка; шанѣжж пекутъ въ жаркой печи на сковородѣ, подмазанной масломъ, и ѣдятъ горячими, макая въ масло.

3) Нащупывать, воля и перебирала пальцами по чему-нибудь.

4) Не слышать, оглохъ.

5) Пригнулся.

6) Ыя.

7) Ысли (для корма скота).

8) Хорошо.

съ нелюдь. Посмотрю — мужикъ стоитъ! «На-но, любезной, говорить, неси нелюдь!» А нелюдь старикъ и говорить: «но ты сдѣлаю-то? гдѣ ты отравлю мужика-то!» Онъ ему говоритъ: «ей, дѣда, не говори некому, снеси въ воду, дакъ сто рублей дамъ.» Онъ схватилъ ево на плѣчо, вынесъ въ поле и посадилъ на донова жеребца. Попадѣ глядѣть въ окошко. «Попъ! гляди-ко, какой-то дуракъ падать у нелюдь на жеребца-то! Поемъ-ко, дакъ хвать ево стагоны, щобы онъ свистѣлъ съ жеребца-то.» Попъ (в)стау за угнѣтъ ое стагоны. Жеребець бѣжить доной. Онъ лико¹⁾ хлосъ ево стагоны. Тотъ и свистѣлъ [т. е. мѣртвѣкъ]. Старикъ глядѣть. «Що ты такое сдѣлау? мужика убѣну? воть я тебѣ сейчасъ розотрагу²⁾» — «Дѣда, голубчикъ! не бай³⁾ нечево; возьми сто рублей да снеси ево въ воду.» Онъ захватилъ ево на плѣчо. Принесъ, посадилъ въ лодку на бѣсѣду и весло въ руки подау, и оттоукинуу отъ берега. Онъ и подалу нелюдь не рѣкъ — прямо на сѣжу⁴⁾. А рыбаць на берегу стоитъ и кричить: «суды тебѣ лѣнакъ-отъ несесть?! я воть такъ тебѣ, прѣду, да весломъ грану такъ, що только вода побулькитъ, — улитвишь изъ карбай⁵⁾-то!» Онъ одно — прямо на сѣжу падѣтъ. Рыбакъ нѣхѣу, да какъ стегнуу весломъ. Тотъ прямо въ воду и улитѣу. Этотъ старикъ и говорить: «Що ты такое сдѣлау, мужика утопишь?!» — «Онъ, дѣда, голубчикъ, не бай нечево! сто рублей дамъ!» Взяу старикъ сто рублей и пошеу доной. «Ну, старуха, процау твой полюбовничѣкъ, а я изъ-за него 300 руб. нахну!»

9.

Быу у старика да у старухи сынъ. Здумали ево поженить, и стали онъ свѣтаться къ дивницѣ. А у тѣхъ дивницы двѣ сестры отданы, а мужовой несколько не слушавтъ. Этотъ женить и говорить: «татенька, я къ этой невестѣ не поѣду⁶⁾»; у этой двѣ сестры отданы и онъ несколько не слушавтъ, и меня не станѣтъ слушать». Отецъ едно — да его не глядѣть, одно такъ — къ ей идѣть. Этотъ [т. е. женихъ] и выдумывавтъсе, «що же мнѣ дѣлать, надо какъ-нибудь выдумывавтъсе». И поженили и взяли эту дивницу. Въ первой день и выпустили онъ куръ корить на поу. Этотъ хозинъ и говорить: «старшему пѣтуху не нѣсъ! А пѣтухъ одно — клѣсть. Онъ и говорить: «одного двюю не гонорать!» Схватилъ топоръ да лико голову отсѣкъ. Эта

1) Лико.

2) Т. е. доведу, а ее-это разстрагуть.

3) Не говори.

4) Сѣтъ съ особой разстановкой, при которой рыбаць должѣтъ слѣдить за ходомъ рыбы въ рѣкъ, сидя у сѣтъ.

5) Небольшая достаточная лодка.

6) Т. е. не хочу высватывать.

молодая и глядеть. «Охъ, какой у меня мужичёкъ-отъ, вотъ такого не послушай-ко».

Пропустили овечекъ опять въ избу кормить. Онъ и говоритъ: «старшему борану не нсъ! Боранъ жвачитъ да и только. Онъ избу ножъ, да лншо ¹⁾ голову отрёзай. «Одново двою не говорятъ! тибѣ говорено, що не нсъ». Пропустили опять коровъ въ избу кормить. «Старшему бычку, говорить, не нсъ! А быкъ жвачитъ да и столько. Онъ и говоритъ: «одного двою не говорятъ!»... Хлѣсъ-то яду обукомъ. Жѣна глядеть. «Охти-миѣ! какъ вотъ таково не послушаешь!»

И пришло время ѣздить къ тестю въ гости о пировомъ праздникѣ. И прѣехали три зятя. Сидятъ всѣ за столомъ и говорятъ (Выложили по 100 руб. съ брата на столъ): «Вотъ, у котораго жена раздѣннѣе донага и подась гостямъ дива, того и денежки 300 руб».

Большой и говоритъ: «давай, жѣна, раздѣвайся, да расподай пива братыню, такъ денегъ 300 руб. получишь!» Она и говоритъ: «дако я, кромѣ царского величесса, сказать вамъ хотѣла. выдумываетесь вы». Другой опять зеть говоритъ: «жѣна, раздѣннѣе донага, да расподай пива братыню, такъ-вотъ тебѣ 300-рублей!» — «Дако я вамъ наплеваю», выдумая! стану-то я розболукаться, подите-ко вы къ чѣрту! Малой зеть и говоритъ: «жена, раздѣвайся донага, да расподай пива братыню, да смотри, — одного двою не-говорять!»

Та раздѣнась до-нага и расподала пива братыню.

Матка у іе и говоритъ: «ой ты, дятятко, ишь ты какъ слушайшьсе! Выдумаютъ онѣ тутъ, наскажуть!» А тесть говоритъ: «ладно, дятятко, слушайсе, когда жомъ, такъ слушай!»

Пришло время — надо къ зетю въ гости итти. Теща *наперсо* и пошла. Онъ тещу запрягъ въ соху. «Давако, теща, мнѣ надо сады зорать». Зоралъ сады на тещѣ. Теща замаялась *до-по-усмерти*, теща едва жива осталась. «Умаятъ, тотаринъ, до-смерти, кабы знала, не пошла бы не за що въ гости!»

Опять тесь сряжанта въ гости. Старуха и наказываетъ: «не ходи, старвкъ, и тебя замаятъ». Старикъ пришёу. Онъ посадиу за стоу, четверть водки поставиу. Такъ напоиу, шо тотъ и итти не можетъ. Онъ пополни на колыкахъ (онъ привязалъ еще бутылку водки подъ горло). А старуха смотреть, скоро-ли старикъ домой придетъ. А старикъ поѣзетъ домой и бутылка подъ горломъ *сойтъ-тъ*. (А съ угора на угоръ далеко видно). «Охти-миѣ, замаяу и старика до смерти! говорила, шо не ходи; вонъ поѣзетъ на *четырногахъ* и колоколо привязалъ на шею».

Старука бѣднѣе стрѣлѣть. «Шо, старикъ, умалѣи тебѣ до смерти?» — «Нѣтъ, старука, мѣня аладкой водкой чуть не заволокъ, вотъ еще и съ собой бутылку привезу».

10.

Иванушко кунотесской сынъ.

Иванушко цомеу гдсовать. Намеу онъ бабушку — вся и мохотъ обросла. Замѣу въ бабушку. Въ бабушку сидѣтъ старука, да дивна — крѣпко красива, такая красавица, но «не съ скалки сказана, не перомъ написана». И говорить: «шо, бабушка, это твоѣ дѣтушка?» Бабушка говорить: «мо». — «Отдай за меня въ замужество!» — «Ой ты, дѣтатко, вѣдѣ ты къ намъ не поидеши! Нѣтъ каменцова дома поидеши — и ты къ намъ къ ямлю». — «А нѣтъ, бабушка, я не шучу, дожидайся, въ такой-то день мы придемъ по те». — Старушка попенка пирожковъ и дожидантѣся. И прѣхали онъ, и... *обвинчися*, и пожили дивно время: Онъ и говорить: «оставайся, жена, зтѣ, а я поиду въ разные города торговать». Схѣхалися нѣтъ тамъ три купца торговать. И кто чѣмъ роскохастѣе. Одинъ хвастаеся богатствомъ, а этотъ чѣмъ, но у него жена красива, умна — которой чѣмъ хвастаеся. Купецъ ему и говорить: «Шо же ты, Иванушко, хвастаеши своею женою, а я сейчасъ поиду и подъ свое руку подведу те, шо шо она умна у тебѣ». А тотъ и говорить: «А если ты нехъ свою руку те подведешь, то я весь товаръ этотъ тебѣ отдамъ, а самъ поиду безо нѣево дамой». Сбѣхились о залогѣ. Этотъ купецъ и пошелъ. Принелъ да къ служанкѣ и подѣлу. Подѣлалъ къ служанкѣ и говорить: «ты у своей хозяйки возьми перстень да нѣтъ отдай, и мой перстень положи на то мѣсто, шо-бы она не знала, да въ тебѣ 100.рублей дамъ». Эта молодунка стала у Ивана улываться, скинула перстень и положила на окошечко. Эта служанка возьметъ перстень да лѣшо купцу подѣсть въ око, а сво перстень приметъ да и положить на то мѣсто, гдѣ бѣу перстень молодунки.

Этотъ купецъ прѣхаетъ туда и показу перстень.

«Вотъ ты похвальное своей женою, а это чей перстень у меня на рукѣ? смотри! А посмотри, — у те перстень мой на рукѣ». Этотъ Иванушко голову повиселъ, но знаетъ, но говорить, и пошелъ дамой.

(Товаръ весь пробѣл). И приходитъ дамой. Жена ему и говорить: «Иванушко», да «Иванушко!» а Иванушко съ ней нечего не говорить. «Шо ты, Иванушко, на шо ты есериуеся, скажи ты нѣтъ... Пошелъ да пошелъ отъ те ярдѣ, да на верхней баушкѣ, и она за нѣтъ идетъ. Принелъ на верхней баушкѣ, — взялъ лѣшо ее съ бутылки есериуу прямо на голову.

На тотъ разъ долгура хлѣу. Схлѣтѣу те въ повозку и похлѣу. (Увезъ дамой).

Привезъ іе, выличилъ и сталъ къ ей приступать на худыя дѣла. «Если ты мнѣ не поддашься, то я тебя тоже рѣшу». Она, ничего другого, не сдѣлается.

Онѣ поѣхали въ лодкѣ кататься на озерѣ. Взяу іе лямпо изъ лодки выплехнуть, лямпо вода обудыкала. А на этотъ разъ два брата волокли неводъ (рыбу ловить), она и пошла въ неводъ: іе и выволокли. Іе отводили и стали съ братомъ жеребѣвать — одному рыба, а другому жѣнка, — которому достанется. Сжеребѣвали. Эта жѣнка досталась младшѣму брату, а старшѣму — рыба; а рыбы было на 300 рублей. Братъ большой съ рыбой домой поѣхалъ, а этотъ и говорить: «остановись здѣсь, — я схожу къ священнику, спрошу, — когда винченье: такъ винчеться станемъ». Онѣ ушелъ къ священнику, а она — бѣгомъ да бѣгомъ, да и убѣжала. Увидѣла пастушка. — «Пастушокъ, перекини платице, — отдай мнѣ свое, а мое надѣнь на себя!» Пастушѣкъ перекинулъ платѣ. Добѣжала до деревни, пришла въ килейку. Въ килейкѣ сидѣтъ старушка. Она и говорить: «бабушка, подстриги меня, сдѣлай молодецъ». Бабушка подстригла. Она и пошла въ городъ. Пришла въ лавку. Купецъ и говорить: «Що ты, молодецъ такой красивой, да хорошѣй, ходишь-странствуешь? сиди у меня, торгуй!»

Онѣ и остановилъсе тутюка, стау торговать въ лавкѣ.

Въ томъ городѣ царь померъ, а роду не осталось никакого царского. Надо царя выбирать. Какъ царя выбирать?! «Поставимъ свичю въ святые ворота, и пойдемъ мы въ этѣ ворота: передъ которымъ сама свичя затеплится, тому царемъ быть». Шли да шли. Передъ этой молодушкой, которая подстриглась-то, и затеплилась свичя-та.

Она назвалась Ивакушомъ. Онѣ говорятъ: «это не дѣло! мы не знаемъ, каково парсва, каково отца-матери; а итъ, мы и во своемъ царствѣ найдемъ царя!» Давай, и въ другой разъ пошли. И до третьяго разу шли — все передъ ей свичя теплится: «Ну, робята, видно царствѣ ему быть», и избрали ево въ пари. Пришолъ онѣ въ царской дворецъ и приказалъ онѣ на ростаняхъ¹⁾, прямо окошка, стоуоу поставить и прибить «патреть» женской, которой «ценно» лицо. Сама прижити въ окошко. И идеть дохтуръ, которой увезъ іе отъ баухона, и осмотриуе на этотъ патреть. Она и глядитъ въ окно. «Ведите-ко этово челоуѣка сюда!» Привели. — «Що ты на этотъ патреть осмотриуе?» — «Было ранамше . . . купецъ сжекнулъ ровню аку жѣнку съ баухона, такъ я іе увезъ домой да выличу». — «А куды же ты іе дѣвалъ? слывай на правду, — я тоже узнаю!» — А, извините, Царское Величество, я къ ей приступау на худыя дѣла, а она мнѣ не поддалась, такъ я іе на озерѣ выплехнуу изъ лодочки». — «Сведите, — говорить, — егѣ въ холодную!»

Идутъ этѣ рыбаки, два брата. И тѣ осмотрились на патреть. Онѣ и говорить:

1) На распутіи, при расхожденіи дорогъ.

«Сведите-ко этих людей сюда!» Привели. «Что же вы на этого патреть осматривались?»
 «А, Ваше Царское Величество, мы ровно эку женку прежь выволокли из овера; мы је отходили». — «Вы је куды дѣтали?» — «А мы съ нѣ съ братомъ въ жеребей, — одному рыба, а другому женка; а рыбы было на 300 рублей. Тотъ братъ похѣу дошой, и а пошеу къ священнику спрашивать, когда свичесть, — хотѣу съ ей пошачесть. Я ушеу къ священнику ... је и потеряу, и топеръ не знаю, гдѣ естъ». — «Сведите ихъ въ холодную!» И свези ихъ въ холодную. Опять идетъ пастушокъ и тотъ осматриваетъ на патреть. Она приказала и того привести. «Что осматриваетъ на этого патреть?» Пастушокъ и говоритъ: «я ровно прежь эку женку впаду на насѣ, да переинну ей платице». «А ты некому но сказалъ?» — «Не сказалъ». — «Сведите его въ холодную». Опять же въ холодную свези. Идетъ старушка и та на патреть осматривается. Она говоритъ: «ведите-ко эту старушку сюда!» «Что, бабушка, осматривалась на патреть?» — «А я ровно эку молодунку остригала, сдѣлала молодонъ». — «А ты некому не сказала?» — «Не сказала». — «Сведите је въ холодную!» Идетъ эта дивница, служанка, и на патреть осматривалась. «Ведите, говоритъ, эту дивницу сюда!» Привели. «Что ты осматривалась на патреть на этого?» — «А я прежь у купца жила, такъ провно моя хозяйка, купеческая жонка: я то и осматривалась». — «А ты що надъ ей сдѣлала, сказывай правду, — а тоже узнаю!» — «Я перстень купцу переиннила исной». — «Много ли ты съ его взяла?» — «А сто рублей». — «Сведите въ холодную!» Идетъ купецъ, — на патреть осматриваетъ. «Ведите этого человека сюда!» — «Что ты на патреть осматриваетъ?» — «А ровно какъ прежняго купца жѣнка, а еще перстень је выинну у служанки». — «Много ли ты ей плати?» — «А 100 рублей». — «Сведите его въ холодную!» Идетъ опять купецъ, је мужъ, — въ худомъ мѣждучишечкѣ¹⁾. Остановился передъ патретоу и плачѣть. Эта и говоритъ: «ведите этого мужика сюда!» Онъ и привели. «Что ты стоишь да плачешь? — смотришь на патреть». — «А, Ваше Царское Величество, ровно прежняя моя жонка». — «А ты куды је дѣта?» — «А, Ваше Царское Величество, мы съ купцомъ въ разныхъ городахъ торговали, сошлись съ нѣмъ о залогѣ, що моеѣ жены некому не обмануть, що у меня уина жена. Купецъ и похѣалъ къ ней. Я все нѣтъне прооу — надиваеся на је. А онъ прѣтѣтъ — перстень је показѣтъ, а сво перстень я призналъ у је на рукѣ. Я пошеу на верхней бауонтъ, а она за мной; нѣтъ обдно [обидно], — а нечего не говорю. Она пришла на верхней бауонтъ и говоритъ: «на що осердился?» А я взялъ је прямо съ бауонта стоукнуу. Видѣу, що допѣтъ хѣу, такъ, не знаю, — онъ увезъ, не знаю — и кто. . . } и не видау послѣ той поры». — Сведите его въ

1) Уменьшит. уничтожит. отъ слова мѣждучишечкѣ — худая, ветхая и убогая изъ доноткаднато сукна одежда.

голодную, а ведете доктора сюда! Привели. . . Дакъ ты вынесиуу изъ лодки эту жонку?! . . . Дайте ему сто стѣжей да и поди онъ счастливо! Привели рыбаки. «Що, у одного рыба; и у другого жѣнка, а рыбы на 300 р. было? — На 300». — «На жо и тибѣ 300 рублей, поди жо и ты съ Богомъ домой». Пастушка привели. «Перемиу ты ей платице? — Перемиу. — «На жо и тебѣ 100 руб., да поди съ Богомъ домой! Старуху привели. — «Ты, бабушка, подстригла эту жѣнку? — Подстригла». «Некому не сказала? — Не сказала некому! — «На жо тибѣ 300 руб., да поди съ Богомъ, тибѣ до смерти будетъ». Привели эту дивницу. «Ты переминула перстень? — Переминула. — «Дайте ей 300 стѣжей, да ступай она домой! Купецъ этотъ пришелъ. «Обмануль ты эту дивницу? — «Обмануль». — «Дакъ-ей сто рублей? — Дакъ. — «Получилъ перстень? — «Получилъ. — «Дайте и ему 300 стѣжей, да ступай онъ счастливо!»

Привели мужа. «Ты жалѣешь жонки-то и топеръ? — «Какъ не жалѣть, а безвинно је рѣшилъ». — «Родѣвайсе до нага! Онъ родѣуеся. «На жо надѣвай съ меша царской платѣ да садисѣ на престолу, — а жѣна твоя, ты мужъ мой! Вотъ и жить стали.

11.

Неснамушко.

Бывало-живало богатой купецъ быу. Онъ поѣзжалъ въ разные города торговать. Только уѣзѣу — у жѣны родилсе парискъ, а у кобылы жеребчикъ. Онъ торгуетъ такъ дивно [долго]. Парискъ ужъ выросъ большой, стау ужъ въ училищѣ бѣгать. Бѣжить онъ изъ училища да напроходъ¹⁾ коня смотритъ. Коня посмотрѣу — а конь по шѣткамъ въ кровь стоить. «Що ты, мой доброй конь, по шѣткамъ въ кровь стоиши: надъ собой незголу чуеши или надо мной? — «А надъ тобой, Иванушко, — тебѣ matka хочетъ отравить. (Она пригласила дружка). Она завтра тибѣ подасъ рыбникъ, такъ ты ево не ѣшь, а брось собакамъ». Собаки съѣли — собака и розорвало. По другой день идетъ изъ училища, — опять въ конюшню. Конь по колѣнъ въ кровь. Иванушко и спрашиваетъ: «Що же ты, мой добрый, конь по колѣнъ въ кровь стоиши! надъ собой незголу чуеши или надо мной? А конь человѣческимъ языкомъ говоритъ: «надъ тобой, Иванушко! — Завтра matka пошлетъ тебѣ въ баню и подасъ порточка и рубашку новенькую, такъ ты не надѣвай: онъ матраи зельею, такъ тебѣ пзороветъ». Онъ вымысе въ башкѣ и надѣу старую рубашку. Мать ему и говоритъ: «що же ты не надѣу новой рубашки? — «А мѣ до-родно и въ старой!»

1) Нигдѣ не останавливаясь.

Кобылка — воушебилда и говоритъ: «ѣди прежде коня, а пока коня не рѣшишь, тебѣ и его не рѣшить: какъ ему все сказываешь».

Затѣмъ встань; а отецъ я прѣхалъ домой. Жена эта и говоритъ у куна: «Хочу коня, какъ коня этого надо рѣшить, и то онъ насъ изгубитъ, если мы не рѣшимъ его». А Иванушко и говоритъ: «татенька и маненька, дайте мнѣ на конѣ рѣшиться не гораду, а нѣчто, що хотите, то и робѣте надъ нимъ». Стѣ на коня, да привелъ ¹⁾ маненьку и говоритъ: «прощайте, татенька и маненька, вамъ больше насъ не видѣть».

Бѣду да хѣлѣ... И лежить зата мѣлая. «Придѣми-ко, Иванушко, можешь-ли привести?» Иванушко привелъ. «Занонимъ же, гдѣ она лежить: она носѣтъ тебѣ привѣстѣ». Оперъ хѣлѣ да хѣлѣ... лежить зата серебряная. «Придѣми, Иванушко!» Иванушко привелъ. «Занонимъ же, гдѣ она лежить: она тебѣ пригодѣтѣся». Бѣду да хѣлѣ... лежить зата золотая. «Придѣми, Иванушко!» Иванушко привелъ. «Занонимъ, гдѣ лежить, — она тебѣ пригодѣтѣся». Бѣхали, хѣхали... прѣхали въ другое королевство. «Ну, Иванушко, мнѣ всѣ вѣхота, а пойдѣу травки щипать, а ты поидѣ къ королю въ садъ, легъ въ бороду, а свое лицо закрой, не-кажи.. (Онъ весьма красивъ былъ). Шо не спросить, шо не скажутъ, а ты говори, шо «не знаю». Онъ легъ въ бороду. Привелъ садовникъ; его и пулъ. «Шо тутъ за свинья вѣзѣтѣся?» — «Не знаю», говоритъ. «Чей ты естъ, какого царства?» — «Не знаю!»... Что ты экой за незнамушко, я королю донесу!» — «Не знаю!» Онъ и сказаъ королю: — «человѣкъ какой-то вѣзѣтѣся въ саду: шо не спрошу, шо не скажу, — на все говорить «не знаю». А король ему и говоритъ: «Поди, веди его сюда». Привелъ къ королю; король ширѣт ѣмѣтѣ: «какого ты царства?» — «Не знаю». — «Какого отца, матери?» — «Не знаю!» — «Садѣте его въ гусевѣнку гусей корѣть!» Свели въ гусевѣнку. Онъ гусей корѣтъ и легъ спать. (Лицо у его рокрылось). Привѣла малая дочь у короля и увидѣла, шо онъ весьма красивъ. Привѣла къ королю. «Татенька, не достоинъ онъ гусей корѣть, его надо въ конюхи, коней корѣть». — «Ну, такъ переведѣте его въ конюхи на конюхи».

У короля присватѣтѣся къ большой дочерѣ жѣнѣтъ, и стали замужъ отдавать большую дочь. Самошры на столѣ ѣхпѣтъ, пирожекѣ напекѣли, — сидѣтъ чѣстѣиушѣе ²⁾. Хлѣсъ писъмо на окошко отъ троєглаваго зѣмѣ. «Такой-то король задѣтъ бы за меня большую дочь, а если не отдастъ, то градъ его весь головноѣ прокутъ». А малая дочь и говоритъ: «дайко, татенька, я незнамушку сному». — «Да шо незнамушка твоѣ знѣтъ?» — «Да а сному!» Снесѣла незнамушку. Незнамушко прочѣ-

¹⁾ Приводилъ.

²⁾ Угощѣются, вѣдутъ все чѣстѣ-чѣстѣю...

такъ и розсѣявусе и сказавъ: «не знаю». Король отрядилъ силы ¹⁾ отрядъ: токо можеть оборонитися, такъ можеть, а не можеть, такъ отдавать за него дочь большая. А Иванушко-незнамушко вышелъ на крылечко, сосваталъ по-молодецки: «снѣго-бурко, будь передо мной, какъ листъ передъ травой!» Конь бѣжить, ²⁾ живое землѣ дрожитъ, изъ ушей дымятъ короны-слонъ, изъ носадрей пламя лютитъ. Налѣту шдѣную лату Иванушко на себя и похвѣту. А хѣзѣ мимо королевскаго дому. «Какой-то молодець смѣлѣеи ѣдетъ, токо за насъ станеть битися, такъ много поможеть, а на насъ, — такъ и вовсе согрѣшил!» — король и говоритъ. Идетъ у короля по-ходъ окнати. Король отворилъ окошечко и говоритъ: «Э! .. доброй молодець, прошу васъ покорно хлѣба-соли кушать!» А Иванушко и говоритъ: «покорно благодарю! я много лѣтъ, много зимъ чествуюсь вашими хлѣбомъ!» Состигъ Иванушко всю силу эту и *приставилъ* имъ обѣдъ; — поставилъ хлѣба-соли, пироги и водки. «Остановлейтесе тутъ, а я одинъ поѣду; а въ случаѣ сила моя не забереть, такъ вы не выдайте меня!» Прѣхалъ. А змій ему говоритъ: «О, Иванушко-Незнамушко прѣхѣу! разомъ хвачу, какъ вѣч ³⁾ проглочу!» А Иванушко саблю выхватилъ, да какъ махнулъ — всѣ три головы вдругъ отлѣтили у змѣи. И идетъ, смѣтъ говоритъ: «воротитесе назадъ: вамъ нечего дѣлать, а побѣду змѣи!» Дочь отдала замужъ.

Опять къ средней дочерѣ свать прѣхалъ. (А Иванушко-Незнамушко прѣхалъ, скинулъ лату и опять легъ на конюшню и коня опустилъ). Опять стали отдавать. Сидѣть, чаекъ попивають — опять хлѣсъ письмо отъ шестиглавоу змѣи: «Такой-то бы король ладилъ бы за меня среднюю дочь замужъ, а нѣтъ, такъ я прѣду, такъ всѣ градь головней прѣхачу и ѣе уведу». А малая дочь и говоритъ: «дай-ко, татенька, я Незнамушку слоужу покажу!» — «А що твой Незнамушко у тебя знаетъ!» Незнамушко прочиталъ, — разсѣялсе. «На, поди понеси да скажи, що «не знаю». Отрядилъ отрядъ опять силы. «Токо можеть оборонятсе, такъ можеть; а не можеть, такъ отдавать вѣдно за ево среднюю дочь!»

А Иванушко-Незнамушко надѣу серебряную лату, сѣлъ на коня и похвѣту. Опять идетъ у короля мимо окошечко. Король отворилъ окошечко и говоритъ: «Доброй молодець! прощу покорно хлѣба-соли откушать!» — «А покорно васъ благодарю, я много зимъ, много лѣтъ чествуюсь вашими хлѣбомъ!» (А тѣ догадаться не могутъ). Состигъ силу; составилъ ³⁾ обѣдъ. «Обѣдайте здѣсь, а я поѣду одинъ. Когда моя сила не возьмѣтъ, такъ меня не отдайте».

Только дохвѣту — шестиглавоу змѣи и выходитъ. «О, Иванушко-Незнамушко прѣхалъ! какъ хвачу, какъ вѣч проглочу!» Иванушко-Незнамушко саблю обнажилъ,

1) Т. е. войска.

2) Яйцо.

3) Разум. — съ коня на землю.

какъ разъ махнулъ — 3 головы слетѣло; въ другой разъ махнулъ — другіе три головы слетѣло. Дотѣху до силы: «Воротитесь назадъ, вамъ больше дѣлать нечего», — сама махну долой. Пріѣху долой, латы скинулъ, коня опустилъ и опять на конюшню сѣсть усталъ.

Вотъ опять я къ младшей дочери сѣсть пріѣху. Опять стали сѣяться. Сажены столы на столы... Сидятъ за столомъ... Хлѣсъ опять пильно отъ девяти-изнаго кнѣ. «Такой-то король махнулъ бы за меня малую дочь въ замужество, а она не отдастъ, то весь градъ головней прожгу и дочь уведу!» Эта дочь и говорить: «Ай-ко, татенька, а Незнаумушко своему!» — «Да шо Незнаумушко-то знасть-то?» Тотъ прочтѣху да сплѣху. «На, говорить, да скажи, шо «не знаю».

Король этотъ отредать отрядъ силы да и говорить: «Подите, токо можемъ побѣдѣть, такъ можемъ, а не можемъ, такъ придется отдавать за него замужъ». А Иванушко-Незнаумушко надѣлъ на себя золотую лату, сѣлъ на коня и поѣхалъ. Идетъ у короля нѣко окошечка. Король отворилъ окошечко и говорить: «Э, доброй молодецъ, промну шокорно хлѣба — соли кушать!» — «Покорѣннѣе благодарю! много лѣтъ, много змѣй чествуюсь вашими хлѣбкомъ». И пріѣху къ силѣ, Составилъ обѣдъ этой силѣ и говорить: «Обѣдайте, а я поѣду одинъ». Пріѣхалъ, а змѣй девятиглавой выходитъ; «О, Иванушко-Незнаумушко тутъ! разомъ хвачу, какъ вѣдь, прогложу!» Иванушко взялъ сабѣю обманилъ: разъ махнулъ — 3 головы слетѣло, въ другой разъ махнулъ — опять 3 головы слетѣло, и въ третій разъ махнулъ — остальные три головы слетѣло. Змѣя побѣдѣ и поѣху назадъ. Дотѣху до силы: «Воротитесь назадъ, вамъ больше дѣлать нечего», — а побѣдилъ змѣя! Иванушко-Незнаумушко пріѣху долой, а золотые латы не скинулъ, такъ на корюшнѣ и легъ въ латѣ; а малая дочь (знаетъ, что Иванушко махнулъ-то) пришла на конюшню. А Иванушко ужъ уснуу. Она пришла къ королю и говорить: «Татенька, поди-ко посмотри на конюшню-ту!» Татенька посмотрѣу, — «Ухъ-ти! итакъ Незнаумушко махнулъ-то». Онъ приставилъ карауловъ, чтобы спанивали шумѣть, чтобы да и ему проспать. Иванушко проспауе.

За Иванушка отдалъ король младшую дочь замужъ и половину царства ему отдать. Иванушко похалъ съ ей да и говорить: «Оставайся, жонка, а я съѣзжу посмотрю разные стороны, каково тамъ живуть». Дотѣхаетъ онъ до своего мѣста. На полѣ пашетъ старичекъ сивной. «Здрастуй, дедушка!» — «Здорово, доброй молодецъ!» — «А что въ этомъ градѣ есть такой-то купецъ, живы онъ али нѣтъ?» — «Ой, ты, мой батюшко, да а то самый и есть!» — «А шо ты экъ обвинялъ?» — «А жена пригласила дружка, все чисто прожгла и меня сгоняла, живетъ вотъ съ дружкой въ дому». Онъ пріѣхалъ въ домъ. Дружокъ сидитъ въ бутѣхъ¹⁾ и самоваръ передъ нимъ стоитъ. Онъ отрубилъ

1) Въ передникѣ, красномъ углу.

ему голову, положил на бѣло и платокъ закрылъ, и пошелъ по конюшнямъ. Встрѣтилъ мамоньку. «Здравствуй, мамонька! Вотъ я тебя гостинецъ несу». Она приняла этотъ гостинецъ, открыла платокъ — а дружка голова. Взяла отъца матеръ голову и говоритъ: «когда ты извинула мужа и сына — и тебѣ голова долой! Сиди на коня и похажь. Пріѣхалъ въ чистое поле, и посадилъ своего отца на коня и похажу въ свое королевство. Пріѣхалъ домой, и жить стали».

12.

Объ Ильѣ Муромцѣ и Святогорѣ.

Илья Муромецъ похажь разгуливаться на своемъ конѣ. Пріѣхалъ онъ на мѣсто. Увидалъ онъ: на мосту спитъ богатырь Святогоръ. Онъ и ударилъ сво палицею по лобу — будить сталъ. Тотъ пробудился, почесалъ своею зоу . . . «що зарускитъ муха кусаетъ?!» Взялъ ево, посадилъ въ корманъ и вѣзлъ далеконько. У ево конь запотыкаусе. Этотъ Святогоръ и говоритъ: «що ты, доброй конь, спотыкаишисе, надо мной неугоду чуюшь али надъ собой?» Конь рускимъ языкомъ отвѣчаетъ: «какъ мнѣ не потыкаться — три головы везу» . . . Высадилъ тогда Святогоръ ево изъ кормана, поздоровались и назвались братьями. Ъѣли онѣ ливно мѣста и добѣжали до ропотчи¹⁾.

Услыхали въ сторонѣ, *стюкаются* въ два топора. Святогоръ и говоритъ: «ну, Илья Муромецъ, съязди-ко посмотри, кто такой дамъ тюкантсе!» Тотъ пріѣхалъ — два старика гробъ дѣлають. «Здраствуйте, добрые люди! Что вы эдакое дѣлаете?» Онѣ и отвѣчаютъ: «Святогору гробъ робимъ». Илья Муромецъ обратно и похажь на дорогу къ Святогору. Пріѣзжаетъ и рассказываетъ: «Вотъ, говоритъ, два старичка гробъ работаютъ, я, говоритъ, поздоровался съ ними и спросилъ: «Что вы этакое работаете?» А онѣ и отвѣтили: «а мы, говорятъ, Святогору гробъ робимъ». Святогоръ и говоритъ: «Пондемы-ко, Илья Муромецъ, посмотримъ: — какъ такъ, — гробъ работаютъ! я еще снѣбъ смерти не очитаю»²⁾. И пріѣхали. Тутъ Святогоръ и говоритъ: «здравствуйте, добрые люди! Нужна помощь! Що вы этакое работаете?» А онѣ отвѣчали: «а мы Святогору гробъ робимъ». — «Я знаю Святогора. Дайте-ко мнѣ примирить: токо³⁾ мнѣ пригодится, такъ и ему пригодится. Онъ въ мой ростъ». Онѣ легъ въ гробъ. «Прикройте-ко, говоритъ, крышкою». Прикрылъ ево крышкою — старичковъ негдѣ и не стало. Хотѣлъ своими руками Святогоръ открыть крышку, а и не могъ открыть. «Илья Муромецъ, гдѣ ты?, говоритъ. А тотъ отвѣчать: «а здѣсь!» — «Открой-ко

1) Густая дѣсная заросль, преимущественно изъ мелкаго и молодого лиственничнаго лѣса.

2) Не жду, не рассчитываю.

3) Если.

у меня крышу-ту, — и не могъ открыть!» Илья Муромецъ такъ хватилъ, що по ко-
лѣнъ въ землю осѣлъ. «Ну, названой братецъ, не-могъ я я открыть». — «А возни-ко
нашику-ту, да стегни-ко по крышѣ-то, не рохнешь-ли ростегнуть крышкѣ-то». Онъ
ударилъ по крышѣ — и сдѣлался обручъ золотой. «Ну, братецъ, и тебя оковалъ;
обручъ золотой сдѣлался». — «Такъ стегни-ко по обручу-ту, — не-можешь-ли
обручѣ-то росшибти!» Онъ ударилъ по обручу и сдѣлался крестъ. «Ну, братецъ, и
тебя окрестилъ». — «Ну, такъ видно мнѣ этия смерти приняла! Попадеть отъ меня силна
и́тъя, такъ ты ее не лжжи: силнѣе будешь, и́тъя-земля не станеть подымать. И
пойдешь и́тъя золотая и тыю не лжжи — не будетъ шолъ-тобой конь *челомитная*.
Потомъ пойдешь и́тъя и́тъя, такъ тые лжжи и́тъяшко!» Онъ и́тънулъ этой и́тъки,
такъ силнѣе еще сталъ. И похоронилъ его тутокъ. И сѣлъ на сво коня и по-
ѣхалъ, а своего коня «въ поводъ взялъ¹⁾». И ѣхали далеко-мѣста. Увидалъ: наишихъ
33. богатыря бьются съ нечѣрными богатырями. Онъ устранился, — битва сильная
идеть, — и воротился «назадъ». Отъѣхавъ и раздериуу бѣлозолотниной шатеръ. И
заирлъ онъ въ шатеръ и сталъ Богу молиться. Въ землю молился — лобомъ въ ко-
лѣно яну выйхалъ — *кабы* наишихъ богатыряхъ Господь пособилъ поправиться съ
чѣлами. Вдуръ и сдѣлался шумъ живо шатеръ, и говорятъ: кто тутъ такой есть въ
шатрѣ? А онъ выходитъ и говоритъ: «и я, Илья Муромецъ!» — «А шо ты тутъ робо-
таешь?» — «А объ насъ Богу молился, кабы вамъ Господи пособилъ оборониться отъ
непріятельскъ. Онъ ешу и говорить на отвѣтъ: «Ежеди бы Господи утвердилъ столбъ
отъ земли до небеси съ кольцомъ, то мы бы переворотили небо и землю: гдѣ была
земля, тутъ бы сдѣлали небо; гдѣ было небо, тутъ бы сдѣлали землю!» Господь на
ихъ прогнѣваеъ за вто. И доѣхали онѣ до Кіева-града и всѣ тутокъ окаментѣли:
который на конѣ сидѣтъ, — такъ и окаментѣлъ; который сходитъ — одна нога на
землѣ, другая въ стремень — такъ и окаментѣлъ; которой за поводъ державъ —
тоже такъ окаментѣлъ ...

13.

Бывальщина.

Бывало дѣвица тридцетъ лѣтъ молилась въ пустынѣ и питалась перхью травой.
30 лѣтъ жила и людей не видала. И приходитъ къ ей дьяволъ въ человическомъ
образѣ и говорить этой дѣвицѣ: «Шо же ты, дѣвица, *жестко* Господу Богу молишьсе,
а тѣбѣ царскъ небеснаго не наслѣдовать и души тѣбѣ не спасти». — «А почему?»
говорить. — «А потому, шо ты плоду по землѣ не опустила». — «А что же ты этакое
время? А я прежде слыхала: кто плоду не пустить, тотъ въ *спасѣ* бываеъ». А онъ

1) Веди за поводъ узды рядомъ съ конемъ, на которомъ ѣхалъ.

ей оветъ же и говорить въ отвѣтъ: «а итъ, время, кто иному не мѣститъ, тотъ царства Божіа не наследуетъ, и души не спасетъ». Она ему и говоритъ: «а съ кѣмъ же я иному оному — я 30 лѣтъ живу и людей не видала». — «А угодно дума спасти, такъ я завтра молодца пришло. Видаю эта тотъ тошутъ, такіе красавцы, що измодъ ручки поспотрѣть». И приходитъ этотъ дьяволъ наизматра самъ и такімъ красавцемъ-молодцомъ оказася, что мало вѣки красавецъ. И съ дивницей сталъ разговаривать — тѣ разговоры и другіе — а договорился до такихъ разговоры, что дивиду и въ грѣхъ авелъ. И говорить этой дивницѣ: «ну, дивница, родитесь сынъ для дщери, — до 16 лѣтъ твой, а съ 16 проиши мнѣ». Она ему и прописала съ 16 лѣтъ. И пошеу отъ іе прочъ, и сѣлаусе и кривой, и хромой, и горбатой, и пахоруккой¹⁾. Она и узнала, що это дьявоу. Заревѣла голосомъ. Поревнѣвъ, а не воротилъ. Съ той пошибки ушла въ деревню жить. По времени родила она сына. А сынъ родилася въ іе — благоразумной. Онъ играетъ съ робатами на улицѣ, а робата ево укорементъ, що у тебя батька итъ. Онъ приходитъ къ своей матерѣ и спрашиваетъ: «маменька, у меня гдѣ тата?» А та поглядѣла на его и заплакала. «Що ты плачешь? Ты мнѣ скажи одмако!» Она и говорить ему: «у тататенька-та — дьяволъ». — «А что ты мнѣ во сказала?» — «Жила я въ пустыні 30 лѣтъ, да меня дьявоу искусилъ. Я тебя прописала съ 16 лѣтъ ему». — «Он, маменька, ты меня въ живности-то отдала въ адъ!» И спрашиваетъ у матери: «какой у меня по образу отецъ былъ?» Она ему и говорить: «и хромой, и кривой, и горбатой, и пахоруккой, — которой самой не годнященъ». И слышалъ онъ — есть сотонѣ кумъ. И пошелъ онъ къ куму. И приходитъ онъ къ куму. «Даденька, голубчикъ, попроси своего кума, кабы выручилъ отъ дьявола рукописание. Мати меня прописала дьяволу съ 16 лѣтъ». Кумъ и говорить: «давай, пойдемъ». . . И приходятъ. «Кумъ, а къ тибѣ съ просьбой првшеу. Я тибѣ служу и ты мнѣ служи — выручи у этого мальчика рукописацѣ отъ дьявола». — «Поди, говоритъ, токо опознаетъ отца, такъ выручимъ, а не опознаетъ, такъ не выручитъ». Вотъ и идутъ . . . Этой силы мало многое множество — дьявольскіе. Приходятъ къ куму. Сѣтана и спрашиваетъ: «що, опознау ли отца?» — «Нѣтъ не опозналъ». — «Ну, такъ завтра погоню съ сѣверной стороны шесъдесятъ тысячъ, такъ тутъ итъ ли». Идетъ эта сила съ сѣверной стороны, и немного сзади идетъ этотъ дьявоу. Онъ и говорить: «вотъ мой отецъ!» Этотъ кумъ и спрашиваетъ: «що ты отецъ ему?» — «Отецъ». — «Колн онъ тебя опознаетъ, такъ подай же рукописание, которое мати прописала тибѣ. Онъ и говорить: «не отдамъ!» Онъ пришелъ къ сотонѣ. Сотона и спрашиваетъ: «опознау-ли отца своего?» — «А опознаетъ, да рукописанья не отдастъ». — «Когда опознаетъ, такъ идите и велите ему отдать. А если не отдастъ, то

1) Пакле-рукій; съ разслабленными, парализированными руками.

ведете его на кумову кровать». Онъ и приходитъ. «Подай рукописанье!» Онъ скажетъ, что не отдашь. Тотъ и говоритъ: «когда не отдашь, то ступай на кумову кровать!» Этому Ямшѣ и завертѣусо. Повертѣусо и выкакутъ ему рукописанье. Мальчикъ схватилъ въ руку, да бѣгомъ домой. А этотъ кумъ и задумался: «что же дѣлать да и тотъ убогую кумову кровать, а я же дураю?» И приходитъ онъ опять къ куму — советъ. «Кумъ, и къ тебѣ еще съ просьбой пришеу: «покажи мнѣ, какая кумова кровать». — «А нѣтъ, не покажу». — «А нѣтъ, какъ хомъ?» покажи». — «А я покажать покажу, но тебѣ нѣтъ не дамъ». — «Хоть на 3 года да дай». А тотъ и говоритъ: «и на 3 екса не дамъ». И проситъ онъ на 3 мѣсяца, на 3 недели, и на 3 дни. «Дамъ, говорить, только на 1½ часа». Онъ взглянулъ на кумову кровать, а кумова кровать — сверху посидана шилья наставлено, а на этихъ на посидать, на шильяхъ, челоуѣкъ и портился. А подъ нѣжомъ огонь горить въ семь семеричъ. Отъ того огня за три вѣтра сивекъ-камень тзотъ (а у насъ и въ печь бросить, да не растаетъ). Этотъ кумъ схватилъ острой ножикъ и бѣгомъ къ этому мальчику. «Я воротилъ тебя отъ дѣла присланидичаго и ты меня пороти! — Стружи на мнѣ тѣло до костей, чтобы въ чашъ окисиромано было». Онъ строгалъ, в кумъ упалъ — изнесло его. Вдругъ ангели Госводни зятѣтъ души вынать. Полтора часа прошло — и *всрзоулы* летять души вынать. А онъ уже муку принялъ и спасся, и ангели душу вынесли до нѣхъ. Такъ оба и спаслися. Мальчикъ ушелъ въ монастырь и стау Богу молитьсе.

14.

Рыси.

Жили мужъ съ женой. У нѣхъ быу парвечикъ у двоихъ съ женой. Тутъ вотъ и поселилась лѣбова¹⁾; она и оборотила жону рысью; и сама поселилась тутокн жить. До мальчикъ она была недобрая; возьметъ да и пайметъ няньку. До мальчикъ была добрая нянька эта. Вотъ она и выпросилась у хозяйна-то въ чисто поле погулять²⁾. — «Опусти», говоритъ: «насъ въ чисто поле погулять!» — «Ну, говорить, съ Богомъ, идите!» Вотъ и пошли онъ въ поле; тамъ сидъ на жежицю³⁾ съ этимъ мальчишкой. Вдругъ бѣжеть стрые рыси. Вотъ она и спрашиваеъ: «Рыси, вы, рыси, стрые рыси! не видѣли ли этого младенца матери?» — «Видѣли, видѣли, горить⁴⁾; — во второнъ стаѣ бѣжить; горы молокомъ облеваеъ, а лѣса волосами олѣтаеъ». Вотъ другое стаѣ бѣжить, тутъ и младенца мати бѣжить. Вотъ она кожуу скинула

1) Хомъ.

2) Ягъ-бѣба.

3) Въ разговорной рѣчи: погулять.

4) Угнѣтъ, отъ жгѣти.

5) Горѣть.

и другой скинула, и взяла мальчика на руки: сосить да плачѣть, сосить да плачѣть. . . Вотъ она опять одѣла въ кожуи и опять побѣжала. А нянька съ мальчикою доной обратилась. Мальчикъ всю ночь проспавъ, и не разу этой ночью не сплываю. — Хозяину это и понравилась. — «Пойте, говорить, и во другой домъ». Вотъ онъ и пошелъ. Сынъ опять на койку; а рысь опять и бѣжать. Вотъ и говорить нянька: «Рысь, вы рысь, старые рысь! не видали ли этого идадеца матери?» — «Видѣли, видѣли, — во второиъ стать бѣжить; горы молокою облеветъ, лѣса водосами оплетъ». Вотъ и бѣжить второиъ етадо. И скинула съ себя кожуи, и скинула другой. Взяла и стала опять сосить сѣбѣ мальчика. Сосить да плачѣть. . . Вотъ хозяинъ и пошеу подосмотритъ: куда нянька ушла и почему такъ мальчикъ хорошо. Всю ночь проспавъ. Вотъ увидавъ: она сняла кожуи. — Онъ кожуи взялъ да и зажѣгъ. «Що», говорить рысь-та: «смородоу¹⁾ больно пахнетъ?» А она, нянька, и говорить: «А лоха, видно, агабова-та жаритъ²⁾ мужу жарить». Она, жѣна, оглянувшись — и не во що шо одѣтсе-то! Онъ и взялъ за руку да и повеу домен. А агабову на лорота носаву да и розстрываву. Вотъ и стали жить по прѣжнему.

Примеч. Въ сказкѣ употребляется часто слово мальчикъ, хотя въ разговорной рѣчи обыкновенно вмѣсто него говорится парвѣкъ, парвѣчикъ: — рассказчикъ, во смотря изъ мою просьбу говорить просто, такъ всегда, — видимо, во могла обойтись безъ того, чтобы во прикраситъ рассказъ болѣе «народнымъ» словомъ. При записи народной рѣчи это всегда слѣдуетъ имѣть въ виду. Слово «хозяинъ» въ разговорной рѣчи слышится чаще какъ: хозяѣтъ. Оно имѣетъ двоякое значеніе: 1) глава дома, 2) мужъ (глава жены); здѣсь употребляется скорѣе во второиъ значеніи.

15.

О дуракѣ Ванькѣ.

Жили-были на свѣтѣ старикъ со старухой. У нихъ было три сына. Два старшіе — умные были ребята, а младшой, Ванька, былъ дуракъ-дуракомъ. Чуетъ отецъ, шо скоро ужъ къ ему придетъ смерть, вотъ и говорить самъ-сибѣ: «Свожу кажибова своего сына въ лѣсъ, узная къ чему онъ способенъ, — тѣмъ благословлю и джирю потомъ». И повеу старшова сына, завеу ево въ дремучей лѣсъ и спросиу: «Ну шо-бы ты, сынъ, сдѣлау здѣсь?» — «Я бы, отецъ, устроиу-бы новину; насѣяу-бы ржи, хорошая вырастетъ рожъ на этой «подовѣ» [грунтѣ], отвитцу сынъ. Вѣрно, сынъ, вѣрно сказау, говорить отецъ, работай, благословлю.» Повеу старикъ ереднева сына. Завеу ево въ дремучей лѣсъ и спросиу: «Шо-бы ты, сынъ, сдѣлау въ этомъ лѣсу?» — «Я бы, отецъ, вырабѣу-бы этотъ лѣсъ, сожогъ и насѣяу бы пшеницы: хорошая вырастетъ пшеница тутъ.» — «Вѣрно, сынъ, вѣрно сказау! станетъ расти тутъ пше-

1) Смородоу, дымомъ отъ горящихъ животно-органическихъ веществъ.

2) Кушанье, блюдо.

люди, работай благословлен», сказау отецъ, и отпраивсе съ сыновъ домой. Боятъ сера у старика, пость в своесъ мядномъ снѣ, дуракъ Ванька. «Какъ-то онъ ста-
неть нѣтъ пость жекъ, шо-то онъ умѣтъ дѣлать, думаетъ старикъ, в свою и сво. въ
дѣло, пометь бытъ, и онъ шо-нибудь смислитъ». — «Ванька, пойдѣтъ», говорятъ
отцы. — «Ну да, христитъ Ванька», — «Пойдѣтъ, давай-о-бѣрайсе!» — «Ну пойдѣтъ», со-
гласивше Ванька. И пошел. Поеть и снѣтъ Ванька, какъ не въ чемъ не бывало.
Динилъ въ дѣло, а Ванька и изъ землю не глядитъ, гадитъ гадъ то изъ ту, то на
эту берозу. «Этъ, тѣтъка, какал изъ этой березы дубинка выйдѣтъ, а изъ этой клочка¹⁾!»
срѣтъ во все горло Ванька: «Поуно, Ванька, оставь оруду-ту городѣтъ, шо у тебѣ
теку-ту советъ нѣтъ, какъ стѣнѣмъ жѣтъ-то безъ мѣнѣ!» говорятъ ему отцы. На-
поишь земли изъ березовую чѣку. Отецъ и спрашиваетъ: «ну шо-бы ты, Ванька, сѣ-
лѣтъ дѣлѣ?» — «А я, тѣтъка, вырублю весь этотъ дѣсъ, спаяю, насю рѣмъ: вѣтъ какал
выростѣтъ рѣмъ, по ковригѣ!» — «Ай-да, Ванька, молодецъ! обрадоваше отцы, вы-
ростѣтъ хорошия рѣмъ тутъ!» сказау отецъ и благословѣу Ваньку на это дѣло.

Отецъ умеръ. Сыновья стали занѣматься тѣмъ, на шо благословѣу нѣтъ отцы.
У старшихъ братьевъ выросли хорошая ромъ и пшеница, а у Ваньки не хужѣ пшеница на-
ростѣтъ. Но тутъ чортъ, знатъ, позавидовау, и стау воровать у Ваньки рѣпу-ту. Видѣтъ
Ванька, шо дѣло неладно, и вѣтъ изъ одну ночь пошоу караулить свою полянку. Сѣ-
лѣтъ на нѣтъ топорѣтъ, расщепѣтъ и снѣтъ. Вдрутъ принѣу чортъ и начау таскать рѣпу.
Ванька подмануу дѣво къ сѣбѣ и заставѣтъ всунутъ палецъ изъ расщепѣ, которой
сѣлѣтъ на нѣтъ. «Ну-ко, говорить, всунъ сюда палецъ». Чортъ такоу и быу, всунуу
палецъ, а Ванька не обороу: вытащѣу топорѣтъ изъ пшѣ — и палецъ чорта-придавило
тѣтъ, шо де могъ онъ и вытащѣтъ. Чортъ зарѣвѣу на всю дубраву, подману такоу со-
лѣтъ, шо стау страшно въ дѣсу. А Ванька хочѣтъ во все горло нѣтъ нѣтъ. «Шо,
говоритъ, воровать мою рѣпу, бѣсъ?! Сказывай, сколько мѣшковъ украу?» — «Пѣтъ
[мѣтъ], отанѣу чортъ. «А пѣтъ, ну дакъ неси пѣтъ мѣшковъ мѣднѣтъ денегъ, тогда
опукау». — «Радъ Бога, опусти, замолви се чортъ, принесу, только опусти!» Ванька опу-
стиу чорта, и тотъ принесѣ ему пѣтъ мѣшковъ мѣднѣтъ денегъ. Ванька сѣлѣу ему
бѣла дѣлка овина, спустиу туда мѣшки, зарѣу, затоптау нескѣмъ и пошоу домой,
не нѣтъ и не снѣтъ. Идетъ [идѣтъ] навстрѣчу Ванькѣ дѣла дѣво родной. «Здорово,
дѣла!» — «Здорово, Ванька». — «Куда это ты, дѣла пошлау?» спросѣу Ванька. «Да вѣтъ
нашъ съ овина привезѣтъ жѣтъ, въ мѣшкатъ стоятъ. А ты-то, Ванька, шо дѣлау
дѣла?» — «Да вѣтъ у твоего овина дѣлѣмъ зарѣу, ты смотри не укради нѣтъ, а то ба-
рабанѣ дѣла [вѣдуку]». — «Повно ты, дуракъ, какѣ у тебѣ деньги, гдѣ ты нѣтъ

1) Ключикъ (маленькая клюка) называется здѣсь палка съ отлогимъ изгибомъ на
концѣ; употребляется для игры шаромъ.

взяу!» — «Ну тутъ ругайсе не ругайсе, а що-бы своимъ бокомъ не пришлось росквашиватьсе!» сказау Ванька.

Деда похѣау дальше и задумаусе: «А вѣдь иной разъ Ванька-та и неспроста говорить, думаетъ онъ, похѣау поглажу — нѣтъ-ли чево». Ванька не попадіусе на деда, вырубіу дубинку и стау смотреть за нѣмъ. Деда-жо нашоу то мѣсто, гдѣ Ванька зарыу деньги, раскопау тутъ, вытащюу мѣшки, взваину нѣх на телегу и похѣау домой. Лошадь едаа идетъ. «Ну! Ну!» кричитъ онъ на еѣ. А Ванька тутъ какъ тутъ навстрѣчу деда-то и выкрыу. «Шо, деда, говорить онъ, лошадь-та тяжело везетъ? ужъ ты не мож-ли деньги скласть сюда?» — «Шо ты безъ тоуку-ту меденъ, какіе у тебя деньги, гдѣ ты нѣх, взяу?!» А ну-ко пошупаю, нѣмъ вѣдь такъ и знавъ, шо гдѣ мои деньги склау!» сказау Ванька, и хлопъ деда по головѣ дубинкой. Деда тутъ и упау, а Ванька сѣвъ на вершину¹⁾ и похѣау домой. Идетъ мимо дедаина дома. Старуха-тетка ему и кричитъ: «Ванька, Ванька, заворачивай, шо ты не съ уна-ли сошоу, вѣдь прохѣау дошъ-отъ!» — «Не твое везу, убирайсе! ты думаешъ, хлѣбъ вашъ везу? не интеръ деда-та, — склау мои деньги да и похѣау, видно хлѣбъ-отъ ему не нуженъ.» — «Ой, дикое мѣсто, деньги гдѣ-то взяу, да цѣлые мѣшки! А старики-отъ гдѣ?» спрашиваетъ тетка. «А на дорогѣ тамъ вонъ лежить, я ево двинуу воть дубинкой, онъ и упау: зачѣмъ воруетъ чужіе деньги!» За дедей сбѣгали, отводилисе [привели въ сознаніе], а Ванька увезъ деньги домой и стау жить да поживаты.

Паступила зима, и мати у Ваньки умерла. Старшіе братья хотѣли ес скоронить, а Ванька не стау давать хоронеть, — говорить, что она ево больше любила, а потому то-пере я и самъ знаю, шо дѣлать. Видятъ, шо съ дуракомъ ничево не подхѣаешъ, такъ и отступилисе, пусть де-скать, шо хочеть, то и дѣлаеть. А Ванька наредну ес въ зимнюю одѣжу, посадіу на чунки²⁾, вставиу въ руки ей пальцы [пальцы] и повезъ по большой дорогѣ. Идетъ навстрѣчу ему баринъ на тройкѣ лошадей. Ванька кланяетсе ему и говоритъ: «Видите, люди добрые, иднихъ просватау сестру, дакъ воть топере и приходитее матерѣ то заработать приданой въ такую стужу». «Ну, давай отворачивай, чево тутъ затараториу!» крикнуу на ево ямщикъ. А Ванька я того пуще закричау: «Не отворочу, самъ отворачивай!» Ямщикъ-отъ и пни Ваньку ногой, а Ванька да и упау прямо на матеръ, да и закрывау: «А! шо сдѣлау. — матеръ у меня уоуб! до самово царя дойду, прошенъ подамъ, добыюсе правды и васъ въ тюрьму посажу!» — «Поди сходи — шо тамъ у ево случилосъ?» сказау баринъ ямщику. Ямщикъ тошоу, огледѣу старуху и сказау барину, что она вѣрно мертвая, убитая. «Возьми 50 рублей, сказау баринъ Ванькѣ, только не ходи нскуды жаловаться». Ванька видитъ, шо баринъ-отъ струсеу и говоритъ: «Нѣтъ, врѣшь! Шо ужъ проходу на дорогѣ не стали

1) Верхомъ.

2) Маленькія санки.

давать, людей стали бить! . . . давай 100 рублей, дакь некуда же пойду». — «На возьми и это, только убирайся кь чорту!» — сказал барник. Ванька пошёл дальше. Встретилъ это трое барниковъ и тоже накричалъ. Идиду, идиду и пошёл Ванька съ матерью домой. Братья тутъ и заревели. Они думали, что Ванька оставитъ гдѣ-нибудь матерью, а онъ тащить ее прямо въ избу. «Вотъ же, говорить одинъ братъ, отступимся ужъ отъ дому, пусть онъ одинъ здѣсь живетъ, а мы уйдемъ куда-нибудь кь тѣмъ, сдѣлаемъ тамъ избушку и станемъ тамъ жить, а онъ и не узнаетъ, гдѣ мы». — «А и вѣрно, братъ, такъ и придется сдѣлать», согласился и другой. Вотъ однажды братья насклали хлѣба, нартажи, сложили въ два кузова, и говорить одинъ: «Вотъ, какъ только вечеромъ уйдетъ куда-нибудь Ванька, мы кузова на плечи, да и поѣдемъ». Ванька догадался, що хочутъ сдѣлать братья. Вотъ и легъ на печь спать, а самъ не спитъ, думаетъ. Братья тоже прилегли, да и заснули. А Ванька, какъ увидау, что братья уснули, куда-то скрылся. Братья пробудились. «Итъ его», шепнули другъ другу: «надо бѣжать». Напили на плеча кузова и пустились бѣгомъ по большой дорогѣ. Бѣжали, бѣжали. . . проѣхали ужъ версъ пять. Вдругъ и слышатъ Ванькинъ голосъ: «Братья, подождите!» кричитъ онъ. А братья и того пушо понеслися. Свернули съ большой дороги въ сугомъ¹⁾, а голосъ слышать все яснѣе и яснѣе: «Братья, подождите!» «Вѣкъ онъ нестигнетъ насъ! бѣжи давай скорая!» Наконецъ крику не стало слышно. «Ну, слава Богу, видно сошлѣсь съ нашихъ слѣдъ», сказали они. «Давай остановимся здѣсь». Тутъ неподалеку увидали большой дубъ, а подъ дубомъ сдѣлавъ стоу и скамейки. «Вотъ какой-то доброй человекъ устроимъ здѣсь какъ хорошо, вотъ тутъ мы устроимъ свой домъ и станемъ жить; ну а топерѣ не жѣмаетъ перекусить: протресались». И стали развязывать кузова съ хлѣбомъ. Роскрыли кузова, а оттуда вылезаетъ Ванька. Братья тутъ опять заревели. «Ой, Ванька, Ванька, и тутъ-то мы отъ тебя не могли скрыться, какъ тыбъ погрѣлъ, а мати-та хотъ гдѣ?» — «Ранѣ я останусь съ матерью, скажу Ванька, вонъ она въ томъ кузовѣ». — «А мы и думали, що ужъ отъ тебя уѣхали, а ты изъ кузова-то и кричау намъ: «Братья положите!» Матерь изъ кузова вывели. Вотъ тутъ братья и стали спрашивать Ваньку: «Ванька, не знаешь, куда это мы прѣѣхали?» — «А прѣѣхали-то вотъ вы кь разбойничью дубу-ту, онъ скоро придетъ и насъ зарѣжутъ, давай залѣзайте на дубъ-этъ, спасайтесь», говоритъ Ванька. Братья насклали кузова и ползли. «И Ванька погнѣлъ. «Да и ты сюда, Ванька?» — «А куда-жо я?» — «Да и матерь-ту съ собой тащишь?» — «А разъ я останусь съ матерью». Только шо успели братья узнати на дубъ, какъ пришли разбойники, росклали огни, стали варить кашу и считатьъ награбленное серебро. Ванька глядѣу, глядѣу на разбойниковъ и говорить братьямъ: «Братья, мнѣ изоста с . . .!» — «Повидо, не-

1) Дремучій лѣсъ.

рестань, Ванька, зарекали братья, вѣдь онѣ увидятъ насъ и зарѣжутъ». Ванька не послушау ихъ и начау прудить прямо въ кашу разбойничадѣ. Одинъ разбойникъ итѣшетъ кашу-ту, да говорить: «Слава Богу, съ неба дождичекъ идетъ». Ванька спидѣ еще недоуго и говорить: «Робята, мѣт с . . . вхота!» «Ванька, що ты, вѣдь ты погубишь насъ!» Но Ванька не послушау ихъ и начау валить прямо въ кашу. Одинъ разбойникъ и говорить: «Ишь вѣдь, съ дуба шишечки вѣлятся!» Ванька спидѣ, спидѣ да и устау держати матерь-ту. «Робята, сказау онѣ, я брошу матерь-ту.» — «Ой, Ванька, що ты! давай мы поддержимъ, вѣдь онѣ увидятъ насъ.» — «Гдѣ тутъ вѣмъ держати», сказау Ванька и бросѣу матерь-ту прямо въ середину разбойниковъ. Хотя и разбойники, а были трусливыѣ. Какъ только увидили мертвое тѣло, такъ и понеслись впробогѣ отъ дуба и не взяли съ собой ничего, не денегъ, не пожей. Братья сошли съ дуба. Ванька и говорить братьямъ: «Ну топорѣ можете уходить, а больше за вѣмъ ходить не стацу.» Братья обрадовались и уѣѣжали, а Ванька съ матерью остаеся у дуба. Разбойниковъ было десетѣ человекѣ. Вотъ онѣ одиновѣ и посылають провѣдѣти, сколько пришло къ дубу-ту неприятѣли. Ну тотъ ушовъ. Видитъ у дуба одиновѣ человека и сѣѣлаеся посмѣляя. А Ванька и говорить ему: «Подходи, подходи, дружокъ, не бойсе.» Разбойникъ подошовъ къ ему. Ванька начау съ нимъ розговаривати. «Да ты такой ли, какъ я? ну-ко покажи языкъ.» «А що? на-а, глѣди!» сказау разбойникъ и высунуу языкъ-отъ. Ванька не оѣѣлаеся да отрѣзау половину языка у разбойника. «Ну топерѣ иди», сказау Ванька. Разбойникамъ ужъ не терпѣлся: ждѣтъ онѣ, которѣмъ послали. Вотъ тотъ идетъ. «Що долго?» кричатъ ему разбойники; «ну сколько-жо тамъ?» А онѣ не можетъ безъ языка-то выговорити, шо «одинъ», а у ево выходитъ «одиннадцать». «Да, шо онѣ и говорить-то не какъ мы: видно сдружѣеся съ тѣмъ», сказау одинъ; «давайте дадимъ ему яткѣ, дакъ впередъ не станеть!» сказау другой. Разбойника-то повалили да ужъ били, били. А Ванька той порѣ, пока онѣ баладалися тутъ, забрау все деньги и ушовъ; и какъ пришли разбойники-ти, дакъ у дуба-то ужъ одно мѣсто знати.

Надобѣю Ванькѣ жить въ лѣсу да въ деревнѣ, захотѣеся пожити ему въ городѣ и пошовъ туда. Напѣлаеся тамъ пасти свиней. Сажѣ купѣу свѣѣ свинью, а эта свинья принесла ему двухъ свѣпюкѣ. Въ городѣ жо Ванька научѣеся играть въ рожокъ и научѣеся пѣѣко хорошо. Свинью и свѣпюкѣ Ванька обучѣу плясати; и какъ только заиграетъ въ свой рожокъ, свѣпюкѣ и вѣстѣеся въ пляску. Пляску эту видѣла цѣрѣвѣня изъ спѣево терема. Это ей пѣѣко поглаѣнулось, вотъ онѣ и захотѣла купити у пастуха одѣу свѣпюкѣ. Пришла одиновѣ къ Ванькѣ и говорить: «Продѣй мѣт одѣу свѣпюкѣ.» Но Ванька не продаетъ и говорить: «У меня онѣ не продажныѣ, а заѣтныѣ, продать ихъ нельзя.» — «Какую хочешь цѣну берп, только продай», говорить цѣрѣвѣня. «Ну покажи тѣѣ по колѣѣно, тогда отдамъ», сказау Ванька.

Видит царевна, что пастухъ-отъ дуракъ, и согласился показать, а Ванька отдау ей одну свинку. Свинка-жо у царевны не мисала, не пила, не ѣла, а только вижджала и спокое не давала никому во дворцѣ. Царевна думала, думала и сказала: «Извесело одной свинкѣ у меня, пойду куплю и другую у пастуха, двѣ-ли у меня обживутся». Вотъ на другой день и пошла она къ Ванькѣ. «Отдай, говоритъ она Ванькѣ, мнѣ и другую свинку, а то одна-та у меня не пляшеть, не пьетъ и не ѣстъ, а только вижджить». — «Вѣдь, я говорю, что у меня не продажные свинки, а заѣтые». — «Какую хочешь цѣну, бери только отдай», не отстаетъ отъ ево царевна. «Ну, показывай тѣла по груди, тогда поведи и эту ужъ свинку», согласилсѣ Ванька. Царевна согласилась показать ему тѣла по груди, а Ванька отдау ей и другую свинку. И обѣ свинки не мисали, не пили а не ѣли у царевны, а только вижджали и сцо больше спокое не давали во дворцѣ. Думала, думала царевна да и пошла покупать самую свинью. Пришла она къ пастуху и говорить: «Продай мнѣ и свинью, безъ матен-то мнѣ невесело, не пьютъ, не едятъ а только вижджать». — «Я говорю, что у меня заѣтые свинки, скажу Ванькѣ, ну да покажи свою грудь, тогда отдамъ и свинью». Царевна согласилась показать и грудь, — что, думаетъ, не показать дураку. А на грудь-то у еѣ было два волоса. Ванька и спрашиваетъ: «Какіе это у тебя волосы?» — «Волосы это у меня заѣтые, вотъ этотъ золотой, а этотъ жемчужной», отвѣтила царевна. «Ну хорошо», скажу Ванькѣ и царевна увела свинью къ себѣ.

Настало царю время отдавать свою дочь замужъ. Созвали всѣхъ вельможъ со всево царства и царь сказалъ, что отдастъ дочь за того, кто отдастъ, какіе у царевны два заѣтые волоса на груди. Вотъ и собрался царь и царевна съ вельможамъ на одной большой площади: сюда собираются много народу и окружили царя со всѣхъ сторонъ. Сюда пришоу и Ванька-дуракъ. Вельможи потіютъ и никакъ не могутъ догадаться, какіе у царевны заѣтые волосы. Ванька проираваетъ въ середину, а ево не пускаютъ и кричатъ на ево: «Бѣда ты, такой сикай, рыло свое еуешь, твое-ли тамъ хѣло!». Тутъ Ванька увидау попа, дау ему горсть денегъ и тотъ ево подъ ризою провеу въ середину. Въ это время вышоу одинъ мудрецъ. Онъ знау, какіе у царевны заѣтые волосы и только было ротъ ротъ — хотѣу сказать, а Ванька не оборуѣу и сказау: «Одинъ волосъ у царевны золотой, другой жемчужной!». Мудрецъ сказау это-жо, да только послѣ ужъ Ваньки. Вотъ царь сѣдае въ большой печаль. Не захотѣлось ему отдавать дочь свою за странника, а захотѣлось отзатъ за мудреца, хотъ тотъ и послѣ сказау. Думау, думау царь и, наконецъ, рѣшиу пустать обоихъ, мудреца и Ваньку, къ царевнѣ къ спальню, и съ которыми на утро выйдетъ въ объѣзды, за того и отдастъ. Такъ и сѣдвали. Царевна и мудрецъ легли на одну постель, а Ваньку и близко не-подпускаютъ. Ходитъ Ванька отъ окна къ окну да жметсѣ. Вдругъ и говорить: «Мнѣ с. . . охота». — «Что ты, дуракъ, что ты говоришь!» сказала царевна. «Дакъ вѣдь мнѣ не въ сплѣ держать!»

говорить Ванька. «Ну, дакъ иди давай вонъ въ ту комнату», сказала царевна и показала на двери. Ванька ушю. Слышно какъ верещить, а духу некакова не чутъ. На мнѣгъ жо, гдѣ сидѣу, оставиу груду чевю-то чернова. Ванька знать раззадорлѣ мудреца, и онъ сказау: «И мнѣ в . . . -то охота?» — «(то ты! неужели и ты, какъ тотъ дуракъ», сказала царевна. «Терпиныя цѣть», сказау мудрецъ. «Ну дакъ иди на сво груду.» — «На мою груду не ходѣ, а то реора переломаетъ! сказау Ванька, а еѣ стану скоро ись [ѣсть].» — «Ну дакъ вонъ туда въ угоу», указала царевна. Мудрецъ ушюу и по вѣсть комнатамъ пошессѣ такой духъ, шо царевна едва въ умѣ устояла и начала ругатъ мудреца! «Уходи, уходи отъ меня, не подходи болѣе ко мнѣ!» Мудрецъ видѣть, шо дѣло неладно, склау все рукамъ въ носовникъ¹⁾, выбросиу за окно и самъ уоѣжау. Ванька взяу свою груду, несеть въ спальню царевны и тѣх. Отъ ово тѣмъ пошессѣ такой сладкой духъ, какова царевна во рѣки и не слыхала! нюхаетъ, нюхаетъ и нанюхатъсѣ не можеу. А Ванька тутъ то и схитриу. Этова онъ купиу у ково-то въ городѣ и положиу на мѣсто г . . . -то, а царевна и думаетъ шо такой духъ отъ Ванькина г . . . , вотъ и говорить ему: «Милой мой, да я тебя не на ково не проминеу, ложись скоря на кровать ко мнѣ!» Ванька аетъ и на утро царь шаюу свою дочь въ бѣзатяхъ съ Ванькой. «Дѣлать нечово, видно придется отдать ее за ево», думаетъ царь. Но ему не охота отдавать свою дочь за нищова.

Ванька-жо тутъ въ эти дни чевю-то напроказиу и царь-приказау его повисить. Сдѣлаи виселицу о девяти ступеняхъ и повели внести Ваньку. Взошоу Ванька на три ступени и сказау: «Дайте мнѣ сыграть на своемъ рожкѣ.» Ему помодиу царь. Какъ только Ванька заиграу, у народа сразу и руки опустились. Пошоу Ванька давише. Взошоу на шестую ступенью и сказау: «Дайте ещо разъ сыграть на своемъ рожкѣ.» Царь позволиви. Какъ только начау играть, у всего народа слезы градомъ пабѣжали изъ-глазъ; а царевна сидѣть въ своемъ теренѣ и такъ ужъ репить, шо едва на мнѣтѣ услиживаетъ. Взошоу Ванька на девятую ступенью и сказау: «Дайте мнѣ сыграть на своемъ рожкѣ въ послѣдній разъ.» Царь позволиу. Какъ только заиграу, весь народъ не могъ устоять на ногахъ, такъ ужъ заревали всѣ, а царевна тутъ на мнѣтѣ и упала, такъ ужъ она ево любила. Самъ царь не могъ вытерпеть, зарекъ и сказау: «Не впеите ево, не надо, пусть моя дочь будетъ ево женой!»

Жили въ одной деревнѣ мужикъ да баба. Мужикъ-отъ ужъ жениуе не можеть, а баба ево была многинъ моложе. Мужикъ быу простой души человекъ, такъ

1) Носовой платокъ.

сказки, кутной. Дитой онъ не нѣди. Держали онъ скотники одну корову да бычка. Одинъ человекъ, прибылой въ деревню, и повадился къ нимъ покупать молоко. Баба мужика-то своего мужика все на работѣ, а сама болѣе была дома. Человекъ, за молокомъ-то пошелъ ходоу, былъ усатой красивой; и какъ придетъ по молоку, начинаетъ съ бабой разговаривать. Баба-та сво да и полюбила. Вотъ онъ и начеу научить бабѣ: «Посылай своего мужика въ Питеръ, тамъ онъ дойдетъ до дѣла, тамъ ужъ умишь тамъ шовить». Вотъ баба и ввязалась на своего мужика. «Иди да иди въ Питеръ, говорила она, гляди: все люди туда идутъ, тамъ дойдешь ты до дѣла, за свой умъ будешь счастливъ и меня туда доставишь». Мужикъ бары своей болѣе и повиновался во всемъ. Живо собрался въ Питеръ. Натѣу поточечку съ лѣтвомъ за плечо и пошолъ. Время-то было зимнѣе. Мужикъ шолъ, шолъ, прошеу много ужъ деревень, лаптишки взорвалъ, измерзъ къ худой-то одеждѣ да и заворотился домой. Пришеу онъ домой-ту ужъ ночью, въ лютой морозъ и стужахъ. Баба вышла-да и ворчить: «кто-жо тутъ въ одакую поздеть?» А съ бабой-то сечеу усаць-отъ тотъ. Мужикъ и говоритъ: «Ой, баба пропусти, иззябъ весь!» «Да это какой тутъ мужикъ? у меня свой мужикъ дома! Мужикъ, мужикъ! ступай сюда скорѣ, гляди-ко тамъ кто-то пришеу, да бабѣ какую-тѣ спрашиваетъ». Усаць тотъ выскочилъ и кричить: «Кто тутъ? чего надѣ? хочешь дубину въ лобъ!» Видитъ мужикъ, що тутъ не пропускать, и пошеу къ попу проситьсѣ начевать-то. А пошъ-отъ естъ былъ хрѣсной¹⁾, и онъ благословилъ его въ дорогу-ту. «Хрѣсной, хрѣсной! прости-ка мужикъ и стукается: «хрѣсной, пропусти, изгину!» — «Шо, Господи, благослови, говоритъ попу понадѣ, да вѣдь это хресникъ». Дѣлать нечево; попу (встау и вышолъ въ сини. «Хресникъ?» — «Н, хресной». — «Да, шо благословесь, откуда ты лавчесь?» — «Да воротилсѣ, хресной, не могъ до Питера-то дотти». — «Дакъ, шо дошой-ту не идешь?» — «Да баба меня не пропускаетъ домой-ту, говоритъ, шо мужикъ-отъ у меня дома, а я вѣрно тамъ у ее сѣ какой-есть мужикъ, ругау эшо меня». Пошла тутъ и замалалась: — «Ой, батъка, ради Бога не пропускай, вѣдь лѣшой пришеу». — «Ой, вѣдь я босой, изгинуу, лапти-ти на умъ взорвались, вѣтъ пальцы отвороздиу, заревету мужикъ». «Лѣшой, лѣшой, на пропускай!» одно твердить понадѣ. «Ужъ скажи онъ босой, дакъ унеси его, батъко, къ кумицу-ту дому, а не пропускай!» — Пошъ видитъ, шо дѣлать печево, придетсѣ нести. «Шо, Господи благослови, какой тутъ лѣшой, сказау пошъ и огнеръ двери, иу-ко садись давай!» Мужикъ сѣу. А пошъ-отъ былъ дошой: живо дотащиу до дому-ту и стукается: «Кума, кума, отпрѣ, шо мужикъ-то не пропускаешь?» — «Ой, шо кумъ, какова мужика не пускаю?» — «Да свое-то, вѣдь онъ изгинуу, вотъ я его принесъ сюда». — «Дома у меня свой мужикъ, пошъ на печь лежить». А усаць съ печи и говоритъ: «Шо тутъ за безпокой-

1) Крестный отецъ.

ство, да вѣдь я дома». Голосъ-отъ у усаца быу похожъ на мужиковъ. Цопъ какъ бросить тутъ мужика въ буметь вить головой, я самъ опрометью домой. «Вѣрно, мати, ты говорила, що не надъ было пускать, вѣдь вѣрно лѣшова унесъ. Этъ, Господи, блословя». А мужика домой конечно не пустили. Поревѣу, поревѣу да и пошю во хлѣвъ спать-то. Легъ тамъ межъ коровы да бычка и такъ проспавъ до утра, не замерзъ советъ-то. Рано утрома усацъ уходитъ. Народъ ужъ заходеу по сѣлобѣ и старикъ стау выгнать дуо хлѣва и пришоу въ избу. «Онъ, баба, баба, що ты нмъ чесь жень не пропустила? я стукаетъ, вѣдь я чуть ле замерзъ!» — «У! вѣтъ ты вѣдесъ? коуда стукаетъ?.. не слыхала . . . Ты не въ обморокѣ-ли ужъ быу въ какомъ; да ты гдѣ начевау-то?» — «По хлѣвъ начевау-то я, съ бычкомъ, тепло было». Баба и рукавъ сѣлопала. «Съ бычкомъ спавъ! мужикъ, да вѣдь ты уходилъ!» — «Неужели?» — «Да, иди въ другую деревню телитьсѣ-то». Мужикъ попиру всему и пошоу опеть.

Деревня отъ вхней была далеко. Оцъ опоздау и пришоу ужъ на сонныхъ хозяевъ-то. Мужикъ живяши {ва всю жизнь} не напивау сапоготи, а тутъ ца дорогѣ нашоу сапоги да и вяну. А въ сапогахъ-то примерали человѣчьи ноги. Пришоу мужикъ въ деревню и стукаетъ: «Добры! хозяева, пропустите переначевати!» Народъ въ этой деревнѣ живу доброй и сво пропустили. «Жели не надъ отоника», сказау хозяинъ: «дакъ поул скоря на печь». Онъ сказау, що не надо, углѣ на печь и уснуу крѣпко. У хозяевъ-то, въ эту ночь, отелилась коровушкѣ, принесли телушку. Телушку отогрѣвать принесли въ избу и повалили на печь, испозалеку отъ мужика. Хозяева потомъ со спокоемъ уснули. Мужикъ-отъ проснуѣсѣ и упали у сво рука прямо на телушку. «Ну, слава Богу, видно ужъ отелиуе я, подумау онъ. Тутъ мужикъ черкнуу спляку и огляну теленка. Увидау, що телушка нестрай.

Мужикъ на радостяхъ вытряхнуу изъ сапоговъ ноги (онъ на печь-то оттаел), обуѣсѣ и тихонько вышоу изъ избы. Хозяева ничево этого не слыхали. Приходитъ домой къ бабѣ. «У! шо скоро сходишь?! Отелнѣсѣ шо-ли?» — «Отелнѣсѣ». — «Дакъ хоть шо принесъ-то?» — «А телушку неструю, баба, хорошую». — «Неужели? а у насъ корова-та ну-ко носить все быковы! Сходи, мужикъ, можоть добрыя хозяева-ти отладуть тибѣ телушку-ту, а надъ бы намъ», говоритъ баба. «Добры, говорить мужикъ, добрыя хозяева-ти, хоть и ночью пришоу, и замилу, шо добрые». — «Дакъ сходи, мужикъ». И мужикъ опеть пошоу. А хозяева-ти те ужъ подъ карауломъ, за ноги ти за челоупчи, старикъ-отъ которые оставиу. Приходитъ мужикъ и говоритъ: «Отдайте мнѣ телушку, я седня ночью отелиуѣсѣ у насъ. . . корова-та у насъ не носить телушокъ то, дакъ намъ бы и надъ. . . Отдайте». — «Дакъ ты седня ночью и начевау у насъ?» спросиу хозяйинъ. «Я», ответиу мужикъ. «Дакъ ты и ноги-ти че-

попы оставлю на петѣ-то? — «Я, а! Синоги-ти я из дорогѣ напоу, вжизнь я ихъ не жмизау, дакъ и жму, а въ нихъ ноги-ти я были; на петѣ-то онѣ оттаели да и вы-
павились. Мужики тутъ и забрали. Хозяева оприцались. Мужики такъ и спечаловали
бабу: ово прсадыи въ острогѣ.

17.

Жили мужикъ да баба, а жили онѣ больше врозь. Мужикъ-отъ все ходиу по
городамъ, работау тамъ. А бабѣ сдѣлалось видно скушно, и она полюбила дружка, и
тотъ каждой день стау ходить къ ей. Вотъ въ одинъ день мужикъ-отъ и накрывъ
печальню. Идетъ по улицѣ къ дому, а любовникъ-отъ сидитъ съ бабой. Увидау лю-
бовникъ мужика-то да и говорить бабѣ-то: «Куда мнѣ? Вѣдь убьетъ меня!» А баба
ему и говорить: «Давай разболокадѣсь, да вставай въ угоу къ иконамъ». Любовникъ
такъ и сдѣлау. Примиу мужикъ, креститѣсь. «Здорово, баба! що это у тебя въ углу-то?»
«А это новона Спаса купила недавно». — «А . . . хорошей Спасѣ. Ну-ко давай собирай
на стоу, ись перехотѣюсь!» — «Сейчасъ, сейчасъ, щи горечіе!» . . . Баба собрала на
стоу и стали обѣдать. Бѣъ мужикъ щи (а щи горечіе), да то и дѣлю гасить на
«Спасѣ». А тотъ не живъ не мертвъ. «А му-ко, сказау мужикъ, не хочеть-ли новой-
отъ Спасѣ шей-то», да и плеснуу на Спасѣ дѣлую поварешку шей. Спасѣ съохау да
офретьеу черезъ стоу пустнуса бѣжать. «Спасѣ, Спасѣ! постѣи, еще каша ось!» —
«Нѣтъ, спасибо, шей наѣтѣсь!»